

Роман ВЫГОВСКИЙ
ГРАНИЦЫ
РЕАЛЬНОСТИ

16+

@ЭЛИТА

Роман Выговский

Границы реальности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7266097

Роман Выговский Границы реальности: ЭИ «@элита»; Екатеринбург;

2013

Аннотация

Профессор Джо Рид попадает в ужасное положение: от него уходит девушка, преследуют наёмные убийцы, несправедливо обвиняют в покушении на жизнь коллеги. Пока он пытается разобраться с со всем этим, в США начинается эпидемия страшной болезни, меняющей сущность людей. В стране царит настоящий ад – разруха, неверие, презрение, жестокость и отчаяние.

Джо ещё не знает, что для достижения цели дьявол намерен использовать его возлюбленную. Именно его бывшая подруга откроет ордам демонов путь на Землю. Среди руин привычного мира, не теряя надежды, не поддаваясь страхам, Джо будет сражаться со злом, выступающим в тысяче обличий.

Но Воин Света идёт не один, рядом с ним новая спутница, ягуар и благословенное дитя. Вместе о борются против армии Тьмы и против тьмы в самих себе. И только от силы их духа зависит, наступит ли новый рассвет...

Содержание

Пролог	4
Часть первая: Наваждение	8
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	82
Глава 9	91
Глава 10	98
Глава 11	109
Глава 12	122
Глава 13	138
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Роман Выговский

Границы реальности

Пролог

Храм стихий. Безвременье

*Конец света есть начало тьмы,
но конец света есть и конец тьмы,
ибо нет тьмы без света и света без тьмы.*

– Даже у примитивной монеты есть обратная сторона, – пророкотал высокий мужчина. Сверкнувшая за окном молния озарила мужественное, серьёзное лицо и тугие мускулы плеч. Брюнет вынул сигару из тубы, чуть втянул аромат ноздрями и неторопливо раскурил. – Что и говорить о тебе, брат.

– Ты же отлично знаешь – мы две половины единого целого. И мне доподлинно известно о твоих истинных намереньях, как и тебе о моих. Разнятся лишь пути, но не цели, – твёрдо, но спокойно ответил задумчивый собеседник. Взглядом ловил причудливую игру природы.

Яростный ветер хватал и кружил опавшую листву, разбрасывал по округе. Летние дни угасли, как угли в покинутом кострище, теперь осень приняла бразды правления, на смену теплым солнечным дням, лазурной чистоте неба пришли

дождливые тучи и гнетущая серость.

– Да, – кивнул темноволосый, – мы едины, но живущим этого не понять. Нельзя постичь великое через ограниченность собственными интересами.

– Верно, но одновременно с тем и неверно, – возразил ему собеседник, – есть ещё те, кто стремятся понять суть единства и борьбы противоположностей. Те, чьи интересы простираются дальше личной выгоды.

Погода за окном храма становилась лишь хуже, ветер завывал и свирепствовал, свинцовые тучи под его натиском разрывались в клочья, вода потоками изливалась из тех разрывов, как кровь из раненного животного. На тле темнеющего неба яростно вспыхивали молнии, гром сотрясал округу.

– Все твои искатели вновь застрянут в прошлом, ошибках, привязанностях и сомнениях. Или ты думаешь, они в силах противостоят великой силе искушения и желания? – Темноволосый медленно, с наслаждением выдохнул дым через ноздри. – Люди слабы, как и прежде, именно потому мы с тобой по разные стороны баррикад. Для них мы: Добро и Зло. Всё приятное они принимают за добро, всё неприятное – нарекают злом. И выходит, что одному добро – другому зло. Никто не понимает истины.

– Конечно, ты прав, брат, люди зашли слишком далеко в своем неведении, – светлый кивнул, – но ведь есть те, кто ищут, те, кто находят ключ к пониманию. А ошибки существуют до тех пор, пока имеется свобода выбора.

– Пока что они выбирают лишь своё эго, – расхохотался тёмный. Сизое облако сигарного дыма окутывало его прозрачной завесой. – Мир на грани катастрофы, а они продолжают заботиться лишь о собственной шкуре. Говорят, что она ближе к телу, но ведь это поправимо.

– А ты испытай их, брат. Ведь ты же знаешь: все великие войны и катаклизмы рождали в них единство, взаимопомощь и любовь. Истинно, друга познаешь лишь в беде. Настоящий свет не меркнет в ночи.

– Да будет так, – кивнул тёмный, неспешно выдохнул дым и ухмыльнулся, – я разрушу всё старое, брат. До основы.

– Я уверен, они смогут сплотиться и выстоять, смогут вывести жизнь и сознание на новый этап развития, увидят всё многообразие миров, смогут путешествовать по ним. Свет жизни будет передаваться из реальности в реальность.

– Я в этом очень сомневаюсь, – скептически возразил тёмный, – никто ещё не отыскал Ключа, лишь единицы могут скользить по границам реальности. Все твои последователи рано или поздно предают тебя. Неведомое, тёмное, по-прежнему пугает их.

Молнии прорезали небосвод яркими вспышками, линии света сплелись в причудливые узоры, помещение храма залил мёртвый, холодный свет. Длинные тени скользнули по колоннам, коснулись искусной лепки, мраморных сводов, загадочных лиц собеседников.

– О нет, – улыбнулся русоволосый, и бездонные взгляды

братьев пересеклись, и в воздухе на мгновение повисла таинственная тишина, – есть тот, кто всегда верен мне. Надежда мира. Последний Хранитель.

Часть первая: Наваждение

Глава 1

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Лаборатория реактивного движения в Пасадене

*«И все голоса, говорящие со мной, – только эхо
моей тоски». (Lacrimosa “Einsamkeit”)*

Крупные, размером с горошину капли выстукивали унылую дробь по стали подоконника, вода ручьем стекала по запотевшему стеклу. Брызги бисером разлетались в стороны, сверкали в свете молний, как горный хрусталь. Лило словно из ведра, дождь не прекращался с утра. Яркие краски багрового рассвета выцвели и смылись, небо превратилось в угрюмую темно-серую полосу. Грозовые облака напитались тьмой и унынием, их гневные лики поглядывали на калифорнийские равнины без тени сожаления.

– Печальная картина, – буркнул Джо. – Когда это прекратится? И кофе не сладкий... – Взгляд скользнул в сторону – на дне сахарницы поблескивало всего несколько кристалликов.

Устало и тяжело руки легли на поручни кресла, Джо попытался расслабиться и стереть из памяти скандал, состоявшийся дома. Часть жизни продолжала погружаться во мрак. Не хотелось ни есть, ни пить, ни работать, а ведь на носу сдача отчета по проекту.

Текст записки до сих пор стоял перед глазами, происходящее казалось сном. Ноющая боль сдавила горло.

«Кто же ей звонил? Или дело всё-таки во мне?».

Мир становился блеклым и бессмысленным. Взгляд утратил чёткость, перед глазами плясали пятна и цветные круги.

«Я смогу забыть. Пройдет время, и я забуду. Как же я устал».

– Профессор Рид, вас срочно вызывают по правительственной линии, – сообщил динамик. Приятный женский голос прервал гнетущую задумчивость. Джо оставил недопитый кофе на столике, неохотно выбрался из уютного кресла кафетерия.

Профессор на мгновение задержался у зеркальных дверей. Из серебристой поверхности на него смотрел уставший коренастый мужчина лет тридцати. Русые волосы слегка растрепались, в карих глазах скрылась печаль.

– Кого я хочу обмануть, – вздохнул Джо. Отражение вызывало отвращение. – Мне её не хватает. – Лицо осунулось, взгляд потемнел, и к горлу подступил комок. Джо не справился с эмоциями и закашлялся.

«Нужно выпить воды, а то говорить не смогу».

Дверь бесшумно открылась. К удивлению профессора, в кабинете находились люди. Двое мужчин. Один из них показался знакомым, особенно его приплюснутый нос и пороссячи глаза...

– Профессор Рид, меня зовут Кайл Вацовски, а это мой коллега, специальный агент Сэндерс. Мы из федерального бюро расследований. У нас есть несколько вопросов. – Руки федерал не подал.

– Это секретный проект, а здесь мой личный кабинет. У вас должны быть весомые причины для подобной бесцеремонности. – Джо не стал скрывать возмущения и слегка повысил тон. – Вы могли бы подождать меня в холле... – Профессор хотел ещё прибавить насчёт того, что пожалуется на них в соответствующее ведомство, но дыхание тут же перехватило, закашлялся.

По лицу Вацовски пробежала едва уловимая тень улыбки. Обрадовался не то возможности ткнуть профессора носом в оплошность, не то приступу кашля. Проворное движение руки во внутренний карман пиджака, и вот удостоверение оказалось уже в ладони «федерала».

– Я предъявил это, профессор, – казенным тоном, но с долей насмешки произнёс Вацовски. Взгляд Джо уперся в синюю надпись «ФБР». – Неужели вы думали, что я залез в ваш кабинет через окно?

На фотокарточке Кайл выглядел моложе и менее представительно, но взгляд пороссячих глаз оставался таким же

неприятным и знакомым.

Джо старался пропустить сарказм мимо ушей, но всё равно стало неловко. Подсознательно ища поддержки, облокотился на стул, где обычно сидели посетители. В голове и теле внезапно возникла подозрительная слабость, конечности наливались свинцом, веки становились неподъёмными.

– Ясно, – выдавил из себя Джо, глаза закрывались от усталости. – Что вам нужно, агент Вацовски?

– Мне лично – ничего, профессор Рид. А вот у бюро есть несколько вопросов. Мне жаль, что приходится вас отрывать от работы, – лицемерная улыбка коснулась губ федерала. – Иссора с девушкой наверняка также расстраивает вас. Поэтому давайте поскорее закончим с делами, и вы сможете вернуться назад к исполнению своих обязанностей.

– Мои дела вас никоим образом не касаются! – Джо вскочил со стула словно ошпаренный – куда и подевалась прежняя сонливость! – забежал по кабинету. Упоминание о Луизе задело за живое, и он потерял контроль. Пальцы машинально схватили со стола карандаш. – Я даже не хочу знать, откуда вам известны подробности моей личной жизни.

Вацовски лишь самодовольно улыбнулся и развел руками. Менее высокий, но широкоплечий напарник в разговоре не участвовал, тихо сидел на стуле у окна. Небрежная поза, замедленные движения создавали образ человека, безразличного ко всему происходящему, в то время как маслянистые глаза не упускали из виду ни малейшей детали. Второй фе-

дерал выглядел этакой жабой, выжидающей, когда муха подлетит к нему ближе.

В оружии профессор разбирался, из кобуры агента-жабы торчала серебристая рукоятка «Беретты 92».

«Хорошая пушка».

Взгляды агента и профессора пересеклись. Внутри у Джо похолодело. Глаза Сэндерса казались неживыми кусками слюды, если бы не их болезненный, плотоядный блеск. Ни намек на эмоции во взгляде. Джо вздрогнул, но взора не отвел. «Федерал» чёрство улыбнулся краешком губ. Веки профессора, словно тяжелые заслонки, опустились, в голове зазвучал вкрадчивый голос:

«Что со мной происходит?»

Раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь. Мгновение спустя в дверном проеме появилась точеная фигура Лили. Взгляды обоих федералов тотчас же заскользили по изящным линиям женского тела. Пристально и скрупулезно агенты прощупывали всё, начиная от длинных стройных ног и заканчивая темными, слегка капризными кудрями.

Женщина ощутила сверлящие взгляды и отступила назад, почувствовав себя совершенно неловко. Изящные кисти машинально потянулась к лицу. Взволновано и немного нервно Лили принялась оправлять роскошные волосы.

– Профессор, вас по правительственной линии вызывают, говорят – срочно. – Лили окинула Вацовски неприязненным взглядом и вышла, хлопнув на прощание дверью.

Джо сбросил с себя оковы внезапно возникшей слабости и растеряно взглянул на агентов. И вновь в ответ – хищная, холодная улыбка, прищуренные поросячьи глаза. Федерал напоминал зверя, увидевшего лакомую жертву.

«Кто же они, чёрт возьми, такие?»

– Придется вам подождать с вашими вопросами, господа. – Джо порадовался возможности сбежать от надоедливых гостей. Не стал дожидаться ответной реплики и спешно выскочил за дверь.

В коридоре поджидала Лили. Скрещенные на груди руки придавали изящной фигуре приятной строгости. Девушка недовольно стучала каблучком по паркетному полу.

– Джо, что этим упырям от вас надо?

– Не знаю, – профессор Рид отвел глаза в сторону, стараясь скрыть волнение. – Слишком много всего навалилось.

– Вечно эти тупоголовые в пиджаках суют свои носы, куда не просят. Вреда от них больше, чем пользы. Как не ревизия из министерства, так федеральные агенты. Беспредел какой-то. Как мы можем нормально работать, если нам вечно суют палки в колеса?

– Это точно, Лили, ты совершенно права.

Джо почувствовал поддержку коллеги и немного расслабился. Мысли путались, следовало привести их в порядок до разговора с начальством, не мычать же в трубку как полоумному.

Поглощенный мыслями, Джо торопливо шагал, сам не по-

нимая куда, внезапно коридор оборвался, и он очутился в пустой комнате с телефоном. На несколько мгновений Джо потерял ощущение времени, полагая, что всё происходящее с ним лишь сон или наваждение. Рука Лили, по-дружески жавшая плечо, вернула ощущение реальности.

– Из Вашингтона звонят, профессор, думаю, не стоит заставлять их ждать.

Слова сотрудницы окончательно привели Джо в чувство. Оцепенение прошло, рука живо схватила телефонную трубку. Лили отнеслась к странному поведению коллеги с пониманием и промолчала.

– Алло.

– Профессор Рид?

– Да, это я.

– Звонит Майкл Новак, ваш коллега из главного управления НАСА. Я возглавляю проект «Вега», вы должны помнить меня, мы встречались на прошлой конференции в сентябре.

– Погодите... – Джо пытался припомнить, кто такой Майкл, но воспоминания не приходили. После визита агентов в голове стояла каша.

– Я ещё одолжил вам свой бэйдж, чтобы вы могли пойти поглядеть на передовые разработки, помните?

– Ах, да. – Джо вспомнил низкорослого и слегка толстоватого малого с залысинами на голове. Достаточно доброжелательного, но с отталкивающей внешностью. – Конечно, я

помню вас, Майкл. Честно говоря, думал, звонят из министерства. Так что вы хотели?

– Да, собственно, не уверен, может, и пустяк. – Майкл тяжело вздохнул. – У меня возникли некоторые проблемы с федеральным бюро. Это касается вас. Поэтому я решил срочно с вами связаться и воспользовался правительственной линией, она ведь не прослушивается.

– Да, – согласился Джо. Недоумение отразилось на лице, но голос не дрогнул. – Так что же всё-таки произошло.

– Приходили вчера двое, расспрашивали о вас. Я сказал, что мы мало знакомы, они ушли. Я решил, что вопрос исчерпан, но сегодня эта парочка заявила снова, и уже с фотографиями с конференции... – Майкл запнулся от волнения. – Они спрашивали меня про базу ВВС имени Ванденберга, я сказал, что ничего не знаю. Но мне кажется, это их не успокоит.

– Вы правы, Майкл, у меня в кабинете как раз сидит парочка из ФБР. Наверное, те двое, что были у вас.

– Боюсь, это другая парочка. Те, что были у меня, уехали на «Бьюике» минут десять назад. Не думаю, что за это время они успели добраться из Вашингтона к вам.

– А вы не могли бы их описать? – Джо призадумался. – Как они выглядели?

– Один такой высокий с бледным лицом, маленькими глазами и хищной улыбкой. А второй поменьше и всё время молчит.

Джо стало не по себе, воздух застрял в груди, тело непроизвольно вздрогнуло. Ситуация из нелепой и надоедливой превращалась в странную и даже пугающую.

«Может, всего лишь совпадение, – мелькнуло в голове у Джо. – Подумаешь, всего-навсего похожи на вторую парочку федералов. В конце-то концов, они все смахивают друг на друга».

– Спасибо вам за звонок, Майкл. – Профессор уже не мог скрывать беспокойства и говорил неуверенно и сбивчиво. – Большое спасибо.

– Да не за что, коллега. Искренне надеюсь, что всё будет в порядке.

– Я тоже на это надеюсь, всего доброго вам.

Не дожидаясь ответа, Джо быстро повесил трубку. Лили всё время стояла рядом, не отходила ни на шаг.

Растерянный, с метаящимся взглядом, профессор молча проскочил мимо коллеги. Ускоряя шаг, направился к окну, в другой конец коридора.

Окно выходило во двор. Несмотря на сильный дождь, площадка для паркинга перед лабораторией просматривалась хорошо. Джо без труда различал очертания своего белого «Форда» и вишневой новенькой «Ауди», принадлежавшей Лили. А рядом... – позвоночник профессора словно пронзила молния, – рядом маячил длинный чёрный «Бьюик».

– Чёрт бы вас побрал! – Джо мысленно выругался. Происходящее не укладывалось в голове, вызывало страх. Профес-

сор медленно развернулся, взволнованный взгляд скользнул с окна на стоящую сзади Лили. – Что всё это значит?

– Вы меня спрашиваете, Джо? – Тонкие чёрные брови выгнулись дугой. – Откуда же мне знать?

– Да-да, точно... – смутился Джо, голова трещала по швам от нахлынувших мыслей. – И почему я не спросил у Майкла их имена... вот ведь тупица...

– Вы вовсе не тупица, Джо, а замечательный человек. Чего нельзя сказать о тех двух лупоглазых идиотах, у которых вместо мозгов кукурузные хлопья.

– Спасибо за поддержку, Лили. Сейчас это как нельзя кстати. – Руки машинально поправили галстук, пригладили волосы. – Я пойду назад в кабинет, попробую избавиться от них поскорее.

– Да, профессор, надавайте им как следует. – Лили подружески рассмеялась. На смуглом, красивом и гордом лице сверкнула добрая улыбка.

Возвращаться обратно Джо не хотел, шёл как на каторгу. Хотелось сбежать от надоедливых агентов куда подальше. Нутро подсказывало, что поступить надо именно так и никак иначе, но разум сопротивлялся. Хотелось внести в ситуацию ясность, но усилий ума оказывалось мало.

Дверь кабинета бесшумно отворилась. Федералы времени зря не тратили, занялись копанием в персональном компьютере. Совершенно по-хозяйски, без тени смущения агенты

продолжили свое занятие и после того, как Джо вошел.

– Что вы, чёрт побери, вытворяете? – возмутился Джо, но, напоровшись на холодный взгляд Вацовски, успокоился, сменил тон. – Зачем вы без разрешения лезете в мои личные вещи? У вас есть ордер?

– Это не ваши личные вещи, а государственная собственность, мистер Рид. К тому же мы просто раскладывали папьянс, пока вы мило беседовали по телефону. Кто, кстати, вам звонил, можете сказать? – взгляд пронзал обескураженного Джо насквозь, в ногах вновь появилась предательская слабость.

«Я помню эти глаза. Но откуда? И голос... очень странный голос».

– Звонили из министерства, насчёт сроков реализации проекта, – соврал Джо без заминки.

– Хорошо, профессор. Раз ваши дела с министерством улажены, может, теперь пора уделить внимание и сотрудникам Федерального Бюро? Как я уже говорил, у меня к вам несколько весьма простых вопросов.

– Да задавайте вы уже свои вопросы! – Джо не выдержал напряжения и сорвался. – Мне нужно работать, а не тешить вас разговорами!

– Не нервничайте, профессор Рид, успокойтесь. Присядьте лучше и выпейте воды, – голос федерала звучал мертвецки спокойно, но были в нем и иные нотки, властные, знакомые. С каждым словом воля истончалась и таяла, Джо понял,

что не в силах сопротивляться повелительным интонациям Вацовски.

– Да, да, я присяду.

– Вот и отлично. Вы же законопослушный гражданин, мистер Рид, вам нечего бояться. Это стандартная процедура, у вас не должно быть причин для волнения.

– Да, верно, совершенно верно. И чего это я, действительно? – Джо кивнул. Голова шла кругом, перед глазами плясали тёмные пятна, к горлу подкатывала тошнота.

– Вы просто устали, погода на улице скверная, у вас кое-какие проблемы, но это у всех так. Мы с напарником тоже вымотались, поэтому давайте спокойно и быстро уладим наши дела. – Кайл улыбнулся совсем по-дружески. – Не будем друг другу доставлять ненужного беспокойства.

Голос Вацовски всё сильнее и сильнее опутывал Джо мягкой, но тугой паутиной. Спустя несколько минут внимательный профессор Рид потерял не только чувство тревоги, но и прежнюю рассудительность.

Память Джо под гипнотическим воздействием федерала стала таять. Первой исчезла информация и образы о звонке из Вашингтона, затем чёрный «Бьюик».

– Да-да, я согласен с вами, давайте всё уладим, – покорно ответил Джо. Его воля ослабла, тело и сознание размякли окончательно, погрузились в полудрему. – Давайте покончим с этим.

Стук. Кто-то стучал. «Наверное, показалось», – подумал Джо Рид и неохотно перевернулся на другой бок, попытался уснуть. Стук раздался снова, более громко и настойчиво.

– Профессор Рид, Джо, вы там?

То, что голос принадлежал Лили, он понял не сразу.

«Что её разволновало? Может, я сплю?»

Джо обхватил тяжеленную голову руками и неохотно покосился на дверь.

– С вами всё в порядке? Да ответьте же вы, наконец!

– Да-да, я в полном порядке, – вяло отозвался профессор. Попытался привстать с кушетки и тут же повалился наземь. – Чёрт, нога затекла. Я сейчас, Лили, подождите.

Прихрамывая, опираясь руками на стену, Джо удалось добраться до двери и открыть замок.

«Цель достигнута».

Усталое тело, подобно мешку, рухнуло на стоящий рядом стул, сидение жалобно скрипнуло. Профессор Рид принялся массировать совершенно бесчувственную голень.

– Я начала волноваться, Джо: после разговора с теми уродливыми занудами вы два часа не выходите из кабинета. Вы уснули?

– Да, кажется, да, я устал и решил прилечь, кажется...

– Слава богу, эти тупицы наконец оставили вас в покое. Принести вам кофе профессор? – Глаза Лили обеспокоено всматривались в лицо Джо.

– Да, от чашечки горячего кофе не откажусь.

– Вот и хорошо, профессор, я сейчас вернусь, а вы пока приведите себя в порядок, – мило улыбнувшись, бросила на ходу Лили, – а то видок у вас ещё тот.

Закончив разминать затекшую ногу, Джо не торопясь подошел к умывальнику и заглянул в зеркало.

«Лили, несомненно, права. Видок – ещё тот».

Волосы профессора растрепались, лицо помятое, как после попойки, белки глаз покраснелись.

«И что за дрянной привкус во рту...»

Холодная вода освежала лицо, Джо немного взбодрился и попытался привести в порядок прическу. За спиной едва заметно щелкнула дверь – это вернулась Лили. Стаканчик с напитком переключал из рук в руки.

– Осторожно, он горячий. А то ещё хлебнете спросонья.

Аромат свежесваренного кофе окончательно разбудил профессора. В голове больше не шумело, взгляд обрел прежнюю остроту и чёткость.

– Спасибо, Лили. Не знаю, что бы я делал без вашей помощи.

– Да бросьте вы, Джо, – рассмеялась в ответ Лили, мягкая и приятная улыбка коснулась губ, – сами бы справлялись. Кстати, что этим крысам понадобилось?

– Каким крысам, из министерства? – Брови Джо поползли вверх, пальцы едва не выронили ложечку.

– Да нет, тем двум федералам, что были у вас пару часов назад, – теперь настал черёд Лили изумляться, – один высо-

кий такой и противный, а второй маленький и уродливый.

– Когда они приходили?

– Да сегодня, рано утром. Вы что же, ничего не помните?

– Э-э, ах да, эти двое, да-да. Длинный и маленький, точно, – соврал Джо, опустив глаза, – я помню, конечно, я помню. Всё в порядке, Лили, всё в порядке.

Слова прозвучали фальшиво, и Джо залился краской. Неприятно было врать коллеге, тем более другу, но что поделаешь, не признаться же, в самом деле, что слабо помнишь даже то, где находишься.

– Да уж я вижу, что всё в порядке, – досада прозвучала в мягком голосе, – вам надо взять отпуск, профессор Рид, а то совсем на себя не похожи. Да ещё эта гадина Луиза, я бы ей все волосы на голове повыдергивала...

– Да что вы, Лили, не говорите так, я её любил всё-таки...

«Или люблю до сих пор?»

– Извините, Джо. Может, я и погорячилась, но так не поступают. Надо было поговорить с вами, по крайней мере, дать возможность объясниться.

Профессор хотел возразить, но решил, что не стоит. Ведь Лили не знает всего об их с Луизой отношениях. Откуда ей знать?

«Она просто заботится о своем друге, просто хочет помочь».

– Может, ты и права, Лили, – после паузы ответил Джо, – но мне так сложно во всем разобраться. Кажется, надо разо-

рваться на куски, чтоб разгрести эту громадную кучу проблем. Всё как-то навалилось...

– Поезжайте – ка вы домой, Джо, и как следует, выспитесь. А ещё лучше пропустите пару стаканчиков перед сном. – Лили положила руку профессору на плечо. – Вам необходимо расслабиться.

– Нет, Лили, всё-таки, что ни говорите, а вы незаменимый сотрудник. – Джо устало улыбнулся, посмотрел на коллегу, и их взгляды встретились. В глазах девушки читалось искреннее участие и даже что-то большее. Нежность?

«Неужели я так плохо выгляжу?»

– Так и быть, я последую вашему совету, – Джо отвел глаза, чтобы не смутиться, – а вы, пожалуйста, позвоните Макдауэллу и скажите, что все новые фотографии и отчет по проекту мне нужны завтра к утру.

– Хорошо, профессор. Можете не переживать насчёт этого.

– Даже и не подумаю.

Джо резко встал со стула, залпом допил кофе. Хотелось выглядеть бодрым и оптимистичным, хотя бы в глазах Лили. Взглядом профессор искал ключи от «Форда» – те лежали на краешке стола.

«Почему я ничего не помню? Должно же быть какое-то разумное объяснение? Может, я болен?»

Лицо профессора выглядело усталым и растерянным. Ещё раз поблагодарив Лили за помощь, Джо направился к

ВЫХОДУ.

Глава 2

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Пасадена

«Слабость не обезоруживает, она лишь побуждает к новым требованиям». (А. Ламартин)

Надоедливый дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Длинные лужи заблестели в лучах проглянувшего солнца. Красиво, словно алмазы, светились капли на газонной траве.

Погода стояла по-калифорнийски теплая, но сырая, шквальный восточный ветер не утихал, и солнце вновь спряталось за облаками. Джо чувствовал себя неуютно, ветер легко проникал под легкую ветровку.

«Я словно во сне, в кошмарном сне».

Торопливо открыл дверь «Форда» и резво вскочил в салон, прячась от сырости.

Руки машинально легли на руль, прикосновение успокаивало. Джо расслабился в кресле и прикрыл глаза.

«Только полдень, а я едва стою на ногах. Что же это такое?».

В голову будто гвоздь забили, как раз в самый центр, во рту – всё тот же гадкий привкус. Спешно и немного раздра-

женно Джо принялся обыскивать бардачок авто.

«Куда же подевалась эта чёртова жвачка?»

Пальцы нащупали лишь пустую обёртку.

Джо нервничал, положение дел его не устраивало, а изменить что-либо он не мог. Не понимал откуда растут ноги.

«Чёрт, придётся по дороге заскочить в магазин, может, пива взять».

Профессор завел автомобиль. Двигатель издал несколько скрежещущих звуков, после чего зазвучал гулко и ровно. Последнее время, к несчастью Джо, такое случалось всё чаще и чаще.

«Что же с ним такое? Всего год машине, и вот тебе. С «До-джем» такого не было».

Джо постоянно напоминал себе о необходимости отдать «Мондео» на техосмотр, но дальше размышлений пока не продвинулся, всё откладывал на потом.

«Катастрофически не хватает времени».

Белый «Форд» неспешно развернулся на площадке перед фасадом лаборатории, лучи солнца заиграли на зеркалах. Лили провожала автомобиль взглядом, пока тот не скрылся за поворотом, оставив на асфальте едва различимые чёрные полосы.

Движение на шоссе для полуденного времени вялое. Влажный асфальт не позволял увеличить скорость до привычных девяноста миль, и раздражение профессора лишь усиливалось.

Сегодняшние события словно окутал сумрак. В уме – полная сумятица, мысли настойчиво расплзались в разные стороны. Пришлось оставить попытки привести размышления в нужное русло.

«Совсем голова не соображает».

Джо принялся по привычке обдумывать подробности проекта «Кассини», эти воспоминания возвращались легче.

Более десяти лет назад, в 1997-м, с мыса Канаверал во Флориде в семилетнее путешествие на Сатурн отправился исследовательский корабль. Поставленные цели были достигнуты, но сенсационные открытия, связанные с нахождением воды на одном из спутников Сатурна – Энцеладе, вынудили НАСА продлить программу.

«Очень важное исследование и чрезвычайно трудоемкое. Думали, найдем жизнь».

Последние три года вся ответственность взвалилась на плечи Джо, после того как ФБР настояли на смещении Роба Митчелсона, бывшего руководителя проекта. Его обвинили в нерациональном использовании фондов. Что же там на самом деле произошло, Джо только догадывался.

«Может, теперь под меня копают, гады?»

«Кассини» оказался тем коньком, на котором профессор Рид сделал карьеру, и той серьёзной головной болью, что не унималась уже целый год.

Тогда, в 2010-м, когда корабль огибал Рею, случилось непредвиденное. Попав под сильнейшее влияние планетно-

го поля, «Кассини» изменил траекторию и сбился с установленного курса. На трое суток связь с кораблем прервалась. Многие считали: это конец. Но не профессор Рид. Только не он. Именно Джо впоследствии удалось вычислить, куда пропал исследовательский челнок...

Предавшись воспоминаниям, Джо не заметил, как оказался перед въездом на автозаправку.

«Надо сосредоточиться».

Мотор затих, Джо поставил «Форд» на ручник. Образы из прошлого нахлынули с новой силой.

Перед мысленным взглядом профессора Рида возник бывший начальник – Митчелсон. В 1996-м он руководил сборкой «Кассини», что был спроектирован, разработан и собран в той же лаборатории, где трудился Джо и сейчас.

То были тяжёлые времена, работа шла напряженно, все нервничали. Первоначальная модель корабля не прошла испытаний и была отправлена на доработку. Вот тогда молодой и амбициозный гений Джо Рид показал себя во всей красе.

«Да, я всем показал, на что способен».

Всего полгода спустя проект утвердили, и в декабре 1996-го вторая, усовершенствованная, модель орбитального модуля покинула лабораторию, чтобы отправится на проверку. Промашек не было. Всё прошло как нельзя лучше.

После «Кассини» запустили «Галилео»... и опять, тогда ещё старший научный сотрудник Рид, был на высоте. Руководство заметило его.

«Да, то были прекрасные дни, тяжелые, но наполненные жизнью, не то, что сейчас. И всё находилось на своих местах», – взгрустнул Джо, пальцы ловко выудили двадцатидолларовую купюру из бумажника.

На улице было так же сыро, дул прохладный северо-западный ветер. Джо направился к магазину у заправочной станции. Руки спрятал в карманы брюк. Шагал неуверенно, ссутулившись, шею втянул в воротник куртки. Ноги подкашивались, порыв шквального ветра едва не опрокинул Джо на землю.

«Чёртова погода».

– Полный бак!

Дверь магазина больно ударила по плечу, но Джо не обратил на это внимания, как, впрочем, не заметил и заправщика, курносого паренька в красной кепке, появившегося возле «Форда». Блуждающий взгляд профессора искал стенд с пивом и мятную жевательную резинку.

Остановившись возле полок с «Бадвайзером», Джо наконец понял: «Что-то не так». Остро ощутил предательскую слабость в ногах.

Затем последовал удар. Резкий и неожиданный. Сознание смялось, как жестяная банка из-под пива под колесами авто. Боль пульсировала в висках, в затылке что-то взорвалось. Не издав ни звука, Джо рухнул, как подрубленное дерево, и провалился во тьму.

– Вы в порядке, сэр? – голос доносился, словно из трубы.

– Что?

– Как вы?

Джо открыл глаза, голова казалась отделенной от тела, кровь, как и прежде, болезненно сдавливала виски. Прямо перед глазами маячил прыщавый рыжий паренек в бейсболке «Ауди». Тот самый заправщик, что возился возле «Форда».

– Что произошло?

– Вы лежали там, – парень указал в сторону торговых рядов, – на полу, в магазине. Я подумал, у вас инфаркт или ещё что. Хорошо, что вам не стало плохо за рулем, сэр. Мне вызывать скорую?

– Нет, я в полном порядке, – не веря собственным словам, сказал Джо, попытался встать со старого скрипучего дивана.

Подняться на ноги удалось не сразу, да и то лишь потому, что за локоть придерживал заботливый паренек. – У меня был тяжелый день, я мертвецки устал. У тебя есть аспирин?

– Да, сэр. Подождите минутку.

Вскоре парень вернулся со стаканом воды и парой таблеток аспирина. Джо присел обратно на диван, прикрыл руками лицо. В голове нарастал гул, каждое движение причиняло боль, но сидеть и дальше в магазине не казалось разумным. Профессор думал.

«Ехать домой в таком состоянии? Нет, рискованно. Может, действительно позвонить в 911? Или лучше Лили, а не

в скорую?»

Лили была хорошим другом и замечательным сотрудником, часто выручала Джо и всегда поддерживала. Работали вместе, в лаборатории, уже более пяти лет. Ему нравилась её искренность и жизнерадостность.

«Если бы не её поддержка, я бы давно сошел с ума».

Джо почти уговорил себя позвонить коллеге и нащупал в кармане брюк мобильный телефон.

«Но с другой стороны, не хочется обременять её, зачем ей возиться со мной».

Мужская гордость взяла верх. Профессор залпом выпил принесенные медикаменты, поборол слабость в ногах. Голова по-прежнему раскалывалась, но Джо постарался убедить себя, что это не так, направился к кассе.

Руки дрожали, четвертак выпал и закатился под стенд. С трудом рассчитавшись за блок «Бадвайзера» и мятный «Орбит», сконфуженный Джо поспешил покинуть магазин. Поглощенный проблемами, он совершенно забыл поблагодарить молодого человека за помощь.

«Угораздило же потерять сознание прямо в магазине. Какой позор. Но паренек прав, за рулем было бы ещё хуже. Стареешь, ты, болван, стареешь».

Джо открыл багажник «Мондео» и небрежно забросил внутрь пакет с покупками.

Погода не стала лучше. Порывистый ветер лишь усилился, принялся гонять по небу горбатые тучи. Дело близилось

к грозе, что не ускользнуло от внимания профессора. Понимал: нужно поторапливаться, успеть добраться домой до того, как ливень начнет поливать всю округу.

«Весьма некстати оказаться на дороге в дождь, с жуткой головной болью и ватными ногами, – решил Джо и торопливо завел «Форд».

Белый «Мондео», модель одиннадцатого года, сорвался с места и устремился по шоссе в направлении города. От Пасадены до Лос-Анджелеса совсем не далеко, около получаса езды. А если ехать быстро, то и менее.

Джо Рид не стал дожидаться, когда из-за плохого самочувствия он снова потеряет сознание, разогнал авто до ста десяти миль в час. «Мондео» белой молнией несся по автострате.

Профессора все знали как хорошего водителя. Права получил ещё в шестнадцать, с тех пор практиковался ежедневно. Постепенно вождение превратилось в хобби. Самым интересным было то, что, несмотря на страсть к вождению, такой же страсти к автомобилям Джо не испытывал. Ему нравилось ездить на машинах, а не они сами. Он так и говорил: «Всегда следует различать объект, приносящий вам радость, среди других, сопутствующих и тождественных ему».

Трасса пролегла ровно, профессор разогнал «Форд» до ста двадцати миль в час. Мотор ревел вовсю, окружающая местность слилась в единую серо-зелёную полосу. Приятное ощущение полёта заполнило Джо, появились новые силы.

Сейчас, сидя в салоне летящего по автостраде авто, профессор чувствовал, как все проблемы остаются позади. Он обгонял их, парил, свободный от всех и вся.

Впереди показался поворот.

«Метров около трёхсот, проскочу».

Джо сбросил скорость до семидесяти миль и умело вошёл в поворот. Профессор собирался вновь приятно расслабиться и предаться излюбленному чувству полёта, когда взглядом поймал тёмную фигуру. Чёрная как ночь, она замерла прямо на разделительной полосе.

– Что ещё за чертовщина! – выкрикнул испуганно Джо. Костяшки рук побелели от напряжения, руль обиженно скрипнул.

До столкновения оставались доли секунд. Рисковать профессор не мог. Вдавил тормоз и дернул рулевое колесо в сторону... «Форд» резко крутануло, бросило влево, к обочине.

Казалось, белый корпус «Мондео» сумел избежать столкновения. Машина проносится мимо, и... глухой звук удара.

Джо заглушил мотор, выскочил наружу словно ошпаренный. Боль вновь сдавила голову тисками, тело налилось предательской слабостью.

Ноги держали плохо. Чтобы не упасть, приходилось придерживать рукой за дверцу автомобиля.

«Только бы не грохнуться».

Джо осторожно перенес вес на обе ноги. Нетвердым шагом направился к распростертому телу. Волосы на голове и

руках встали дыбом.

«Что за чёрт?!»

На трассе лежал завернутый в тряпье сухой и высокий старик лет шестидесяти.

– Только не это! Только этого мне сейчас не хватало! – воскликнул Джо, понимая, что, возможно, убил человека. Волнение нарастало. Надо было узнать, жив ли бедняга.

Ноги едва гнулись, профессор тихо выругался и принялся рассматривать старика. Гладкая, не то выбритая, не то облысевшая голова слегка поблескивала. Кожа смуглая. На испещрённом морщинами лице – умиротворённое выражение. Большие глаза – закрыты, изо рта на асфальт стекала струйка крови. На худом теле серый, выдавший виды костюм, из обуви – потёртые старые туфли, бывшие некогда красно-коричневыми.

Джо не на шутку перепугался. «Я убил человека, – пронеслось в мозгу, – чёрт бы меня побрал, я убил его! Нужно проверить пульс, вдруг он ещё жив». – Тень надежды закралась в душу профессора Рида. Ещё раз внимательно осмотрел тело, пальцы осторожно прикоснулись к шее старика.

«Столько крови на асфальте...».

Пульс был ровный, но слабый. Казалось, старик уснул.

– Слава богу, он жив! – радостно воскликнул Джо, начав обеспокоенно расхаживать взад-вперед возле пострадавшего.

«Пока что жив, – помрачнев, заметил тут же, – нужно

срочно везти в клинику».

Предельно осторожно Джо подхватил пострадавшего под руки. Сухой и худой старик оказался легким словно ребенок, несмотря на внушительный шестифутовый рост.

Волнение не покидало профессора, сердце бешено колотилось, боль в голове усиливалась.

«Благо, что ноги не подвели, когда переносил старика, – вздохнув, подытожил Джо, – надо быстро добраться до клиники. Есть одна на окраине Лос-Анджелеса, к югу отсюда. Или, может, ехать назад в Пасадену? До Лос-Анджелеса ближе, едем туда!».

Джо забрался в салон «Форда». Не задумываясь, сорвал ручник, пальцы молниеносно провернули ключ, стопа легла на педаль газа.

До города оставалось меньше десятка миль, ревушая белая молния мчалась к городской черте. Джо вновь ощутил себя парящей птицей.

Глава 3

06.10.2012. США. Штат Калифорния. Лос-Анджелес. Дом на Шелл – стрит

*Предательство, разрушая надежду и веру,
убивает любовь. (Леонид С. Сухоруков)*

Тот вечер запомнился Джо Риду во всех подробностях. Лишь они вдвоем, в доме у моря на Манхеттен-бич. Только он, Луиза и романтический морской пейзаж.

Дом в таком престижном районе обошёлся в кругленькую сумму, пришлось истратить большую часть сбережений. Банковский счёт профессора заметно похудел, но дом того стоил. Райская обитель, прекрасная при любой погоде. Ни в какое сравнение с новой не шла старая квартира в центре, на Даймонд-стрит. Там шум города стоял круглые сутки. Здесь же, наоборот, только море и небо.

«И дуновение свежего бриза поутру».

Но более всего Джо обожал любоваться закатами, утопающим в морской глади солнечным диском, багровым заревом угасающих лучей. Так и сегодня, застыв на террасе, молодой профессор любовался каждым сполохом света, каждым лучом, скользящим по глади морских волн. Солнечный свет не резал глаза.

«Мягкий и ласковый».

– Ты у нас большой романтик, Джо, – шепнула на ухо Луиза, обняла за руку. Тугие мышцы вздулись под футболкой. Прелестная белокурая головка легла на мужское плечо.

– Да, наверное, – не стал возражать Джо. Ловко ухватил девушку за талию, привлек к себе. – А ты у нас кто?

– А я твоя ласковая зайка, – рассмеялась Луиза, выпуталась из объятий, стройная, изящная как лань, побежала в холл, жестом зовя его за собой, – пойдём, Джо, – у меня есть для тебя сюрприз.

– Я не очень-то люблю сюрпризы, они часто бывают неприятными, – искренне ответил Джо. Тихо щелкнула стеклянная дверь террасы за спиной. – Приятных у меня было гораздо меньше. – Задернул шторы.

– Этот тебе понравится, – продолжала смеяться Луиза.

Лицо возлюбленной так нравилось Джо, он мог смотреть на него часами. Любоваться милыми голубыми глазами, гладкой и бархатистой кожей...

– Пойдем же, Джо. – Луиза взяла его за руки, увлекла за собой на кухню.

– Мне уже начинает нравиться, – улыбнувшись, сказал Джо. Теплые женские губы коснулись мускулистой шеи, Луиза прижалась всем телом. – Может, я и передумаю насчёт сюрпризов.

– Я очень надеюсь, – ласково шепнула она, вновь ловко выскользнула из объятий. Верхние пуговицы розовой коф-

точки наполовину расстегнулись. Взгляду Джо явилась кремовая поверхность очаровательного бюста, спрятанного под алым бюстгальтером.

Луиза убежала на кухню, Джо последовал за ней. На губах заиграла довольная улыбка.

А неожиданных подарков действительно не любил с детства. В один из дней рождения мать устроила так называемый «сюрприз» – пригласила целую труппу отвратительных клоунов.

– Если это клоун, Лу, то я выпрыгну в окно, – улыбка не сходила с лица Джо. Приоткрыл дверь, неспешно зашел на кухню.

– Не угадал, не угадал! – Луиза радостно захлопала в ладоши. – Это романтический ужин!

– Хм, а неплохо. – Джо вскинул бровь, принялся осматривать красиво сервированный стол, две стоящие на нем свечи в серебряных подсвечниках. Взгляд перешел от изысканных столовых приборов к бутылке шампанского, покоящейся в ведерке со льдом. – Хотя нет, ты просто чудо, Лу, это действительно лучший сюрприз из тех, что мне приходилось видеть.

– Правда?! – радостно вскрикнула она. – Это правда, Джо?

– Да, – ответил без утайки, – остальным очень далеко до этого великолепия.

– Я очень старалась.

– Спасибо тебе, Лу. Это действительно очень приятно.

Затем сели ужинать. Джо зажег свечи, и они выключили свет на кухне. Громко хлопнула бутылка с шампанским, выплюнув пробку прямо в потолок. Луиза смеялась, а Джо находился на седьмом небе оттого, что ей хорошо с ним.

Он обожал её смех, такой звонкий и чистый. Джо часто развлекал Луизу смешными рассказами, лишь бы вновь услышать его, вновь увидеть милую улыбку. Так поступил и сегодня. Потом говорили о работе. Вспомнили отпуск, проведенный в горах.

– Ты помнишь наш отпуск, Джо? Помнишь, как мы залезли на ту высокую гору?

– Да, Лу, я помню. А ещё я помню, как кто-то со страху чуть не вскарабкался мне на голову. – Улыбнувшись, он легко сжал её руку.

– Ну, я же не виновата, что ты не боишься высоты, – с укором в голосе сказала Луиза и показала Джо язык. И вновь мило улыбнулась.

– Да нет же, Лу, я тоже боюсь, но там было вовсе не высоко, – улыбка стала ещё шире, – я тоже боюсь высоты. Просто не так сильно, как ты.

– А чего же ты тогда сильно боишься, а, храбрец Джо?

– Я?

– Да, ты. – Луиза легко ткнула Джо пальчиков в грудь.

«Наверное, потерять тебя, Лу. Ты очень дорога мне».

– Это конфиденциальная информация и не подлежит раз-

глашению. Ты же знаешь, за подобное меня могут арестовать, – улыбнувшись, ответил Джо.

Луиза демонстративно надула губки, скрестила руки на прекрасной груди. В голубых глазах вспыхнули игривые огоньки. Джо не колебался ни секунды, приобнял за плечи, страстно поцеловал в губы.

– Ты самое дорогое, что у меня есть.

Внезапно зазвонил мобильный телефон, Луиза вздрогнула.

– Джо, – девушка выскользнула из объятий, телефон продолжал звонить, – я на секундочку.

– Конечно, милая.

Луиза кокетливо приподняла краешек платья, оголив часть стройных бедер, широкая мужская ладонь тотчас прильнула к ним.

– Алло, – девушка торопливо взяла трубку, Джо тем временем продолжал нежно поглаживать соблазнительные бедра блондинки. – Что? – недоумевая, переспросила Луиза. Ладони Джо поднимались всё выше, девушка расслабленно прикрыла глаза.

Резкий мужской голос из трубки что-то сказал. Всего одна короткая фраза, и улыбка слетела с прекрасного женского лица, уступив место тревоге.

Луиза ничего не ответила, лишь отвела погрустневший взгляд в сторону. А затем, закрыв лицо руками, разрыдалась и убежала в ванную.

Джо терпеть не мог, когда она плакала. Такое случалось и прежде, Луиза обладала необычайно тонкой натурой. Взять, к примеру, случай с кошкой.

«Лу очень привязалась к ней».

Пушистый зверек попал под машину, и Луиза рыдала всю ночь. Джо всячески старался оградить любимую от эмоциональных срывов. И вот снова...

В мозгу стрельнуло, боль тисками сдавила голову. Джо пребывал в полной растерянности, мысли путались.

«В чем же дело? Может, это я как-то обидел или задел её?».

– Прости меня, Джо... – Луиза прекратила плакать, вышла из ванной. Голубые глаза стали темно синими от слез, прекрасное личико покраснело и распухло. – Я страшная, да?

– Нет, Лу, ты самая прекрасная.

– Ну, зачем ты врешь, – всхлипнула она, – я зарёванное чучело, я знаю, Джо!

– Хорошо-хорошо, Лу, как скажешь, пусть будет чучело. Теперь ты спокойна? – спросил обеспокоенно.

– Да, теперь да. – Луиза, оперлась спиной на стену и запрокинула голову назад, соблазнительная грудь слегка выбилась из бюстгальтера.

– Я люблю тебя, Лу, – шепнул ей на ухо Джо, подходя ближе, – я больше всего на свете люблю тебя, Лу.

Ответом был плач, рыдала у него на плече, от радости. А

затем они занялись любовью, прямо на кухне.

Джо лежал на наспех брошенной на бамбуковый паркет скатерти среди разбросанной в порыве страсти одежды. Лежал и наслаждался запахом её духов и тонким ароматом женского тела.

«Это было просто волшебно».

Чувство восторга и нежности преисполняли мускулистую грудь, на которой лежала очаровательная златовласая головка. Джо был без ума от Луизы, никого прежде он так не любил.

С самого момента знакомства, около года назад, и до сего часа не было и дня, чтобы он не вспоминал о том, как же прекрасна его малышка Лу.

Джо крепко обнял Луизу, поцеловал нежные голубые глаза. Она в ответ одной рукой обняла его за пояс, а второй принялась гладить по бедру.

– Ты потрясающий любовник, Джо. Мне всегда так хорошо с тобой, – сказала сладким голосом Луиза, довольно потянувшись, словно кошка.

– О, Лу, мне тоже очень хорошо.

– Знаешь, порой мне кажется, что я тебя не достойна. Что ты слишком хорош для меня.

– Что ты такое говоришь, – возмутился Джо, привстал на локтях, – не говори так, Лу. Ты же знаешь, что я от тебя без ума.

Она опять промолчала, уткнулась очаровательным личи-

ком в мужскую грудь, прикрыла глаза. Спустя пять минут – уже крепко спала. Джо аккуратно подхватил стройное нагое тело на руки и отнес в спальню. Затем спустился по лестнице на первый этаж и принялся убирать беспорядок на кухне.

Взгляд на миг застыл на лежащем на скатерти алом нижнем белье Луизы.

– Ты прекрасна во всём, – тихо шепнул Джо и отнес одежду обратно в спальню.

А ранним утром, пока он ещё спал, девушка ушла, забрав все вещи. Оставила на тумбочке лишь краткую записку, небрежно написанную алым карандашом для губ.

Прости меня, Джозеф. Это не твоя вина. Я больше так не могу. Не звони мне.

Он терпеть не мог, когда Лу называла его Джозефом, она делала так, только когда хотела подчеркнуть строгость своих слов или когда сильно обижалась.

«Наверное, всё дело в том звонке? Или во мне? Кто же тогда звонил?»

– Что же ты делаешь с нами, Лу, что же ты делаешь, – произнес Джо с такой печалью и горем, что весь мир вокруг потускнел и поблек.

Запах её духов всё ещё витал в постели, привкус помады ощущался на губах. Это придавало утрате ещё большую горечь. Душа ревела, разрывалась на части.

Джо не послушался, звонил весь день напролет. Но Лу не брала трубку. Затем пытался расспросить её родителей, но

те лишь удивлённо пожали плечами. Старики сами не знали, куда пропала Луиза, и больше месяца не виделись с ней. Тогда, ближе к вечеру, профессор вскочил в «Форд», рывком завел его и помчался в Сан-Диего, к дому Луизы. Но и там никого не застал. Джо провел под дверью ещё несколько часов, однако Лу так и не появилась.

С разбитым сердцем и адской головной болью Джо поехал обратно домой, совершенно не обратив внимания ни на длинный чёрный «Бьюик», припаркованный на противоположной стороне улицы, ни на высокого человека с незабываемой хищной улыбкой.

Глава 4

04.10.2012. США. Штат Вайоминг. Резервация «Уинд- Ривер». Ранчо «Норс Стид»

*Вещи сны пробуждают реальность. (Нестор
Уваров)*

Серая в яблоках лошадь мирно паслась на лугу, утреннее солнце успело прогреть землю и высушить росу, и потому Айлен выпустила кобылу пощипать последней осенней травки. «Вскоре выпадут снега, а тогда Наннук уже не сможет полакомиться свежей травой», – подумала девочка и немного взгрустнула. Жаль, что её любимице придется целую зиму питаться сухим сеном и овсом.

Айлен специально дождалась, пока высохнет роса, так как помнила наставления бабушки: «Не следует выпускать коня пастись на не сошедшую росу. Это может нехорошо сказаться на его здоровье, а также позволить духам земли навредить животному. Когда солнце взойдет, и духи неба вместе с лучами коснутся почвы, танцующие всю ночь духи земли отойдут ко сну. Вот тогда и пускай коня пастись. Разумный конь никогда не станет есть травы с не сошедшей росой», – так говорил дедушка, но упоминал и о том, что лошади сейчас

не ровня прежним и лучше следить за тем, чтобы Наннук не паслась на мокром.

Айлен всегда поступала так, как велел мудрый дед. Ведь не зря же к нему, одному из потомственных шаманов индейцев Мапуче, представителю древнего рода, съезжались со всех уголков страны разнообразные люди. Айлен не знала, зачем приходят гости, и никогда не спрашивала об этом, а старик не объяснял что к чему. Но сегодня Айлен собиралась поговорить с ним, также о людях, а точнее, о человеке. Человеке из снов.

«Сон – это ещё одна реальность, из темного океана сознания», – девочка очень хорошо запомнила слова деда, часто размышляла над их смыслом, старалась постичь заложенную в них суть. Размышления приносили плоды, в итоге Айлен удалось сделать несколько выводов по поводу сказанного дедушкой: «Сон – это ещё одна жизнь, но другая».

Загадочный человек начал сниться Айлен несколько лет назад. Встреча с ним оказалась необычной. Человек возник из ниоткуда, лицо скрывалось под капюшоном, вокруг – ни души. Небольшой провинциальный городок лежал в руинах. Разбитое стекло и щепки хрустели под каблуками сапог, шаг твердый, уверенный, на руках он нес ребенка. Айлен сразу ощутила связь с происходящим. И неудивительно, ведь этот ребенок – она сама. Мужчина пел песню и баюкал, унылый пейзаж разрухи сменился бескрайней степью.

Белая лошадь, как и хозяин, любила появляться неожиданно.

данно. Крепкие руки подхватили девочку, усадили животному на спину.

– Никто не обидит тебя, – сказал незнакомец, помахал на прощанье рукой. Лошадь понесла её домой.

Айлен обо всём рассказала дедушке. Старик промолчал. Призадумался, выискивая в памяти нужные образы.

Дважды старик виделся с незнакомцем во сне. Всего неделю спустя встретились и здесь, на ранчо.

«Это важные сны, запоминай и рассказывай их мне», – напутствовал дед. Айлен всегда послушно следовала его мудрым советам. Так же собиралась поступить и сейчас и теперь дожидалась приезда любимого родственника.

Старик отправился в город, за покупками, на стареньком «олдсмобиле». Нагуэль выезжал в город не чаще раза в неделю. Ездил лишь при острой необходимости, у них с внучкой имелось небольшое хозяйство, обеспечивающее продуктами питания, а также на неделе часто заезжал Киллак, племянник, живущий здесь же, но ближе к черте города. Он и приносил с собой всё, необходимое небольшой семье.

Нагуэль был очень стар, но выглядел не более чем на шестьдесят. Длинные седые волосы завязаны в хвостик, а на словно бы вырезанном из красного дерева лице светились мудростью раскосые ореховые глаза. Из одежды старик носил синие джинсы и серую клетчатую рубашку, поверх которой сидела кожаная куртка «Райфл».

Выехав из дому ранним утром, Нагуэль планировал вер-

нуться назад на ранчо как раз к тому времени, когда внучка проснется. Он очень любил Айлен и воспитывал её с самого рождения.

Нагуэль был очень строгим и суровым человеком, но с внучкой всегда старался вести себя мягче. В городе купил для Айлен небольшой подарок, сладости, которые внучка очень любила. Нагуэль время от времени делал Айлен такие маленькие подарки, но не баловал её, чтобы не испортить характер.

Внучка была его прямым потомком, и шаман собирался передать ей все знания, которые имел. Айлен родилась женщиной, поэтому стать такой же, как он сам, не смогла бы. Но кое в чем девочка превосходила старика. Айлен часто видела вещие сны. Таких называли сновидцами.

Нагуэль постарел и уже достиг всего, на что хватало сил и ума. За свою долгую жизнь старик повидал немало, но уходить из жизни не собирался до тех пор, пока внучка не подрастет и не обучится всему необходимому.

Жены и дочери Нагуэль лишился. Супруга покинула его на девятом году их совместной жизни, вскоре после развода. А единственная дочь погибла в автокатастрофе, когда Айлен исполнилось всего два года. С тех пор старик заботился о девочке и воспитывал, передавая знания предков.

Айлен оказалась очень способной, в отличие от своей матери, которая и слышать не хотела ничего о пути знания. Молодую дочь Нагуэля интересовал большой город и карьера

юриста. Старик знал, что подобное не закончится благом, но не вмешивался. Для него не было ничего важнее свободы воли человека.

Айлен, в отличие от матери, желала и могла пойти по пути предков. Она имела способности к обучению как в процессе общения, так и путем сновидения и прямой передачи знания, когда навыки мастера переходят непосредственно к ученику, а затем постепенно раскрываются в нем, согласно его возможностям.

Во сне к девочке приходили разные сущности, визит некоторых носил враждебный характер, Нагуэль научил, как противостоять им, а другие, наоборот, обучали девочку, совершенствуя осознание мира.

Дедушка, говоря с Айлен о родной традиции, о том, кто такой «человек знания», каков его путь, всегда акцентировал внимание на исключительной серьёзности этого предмета. Не забывал упомянуть и о роли упорства. Правда, Айлен от рождения была упрямой и настойчивой. Никогда не бросала начатое, доводила всё до конца.

Нагуэль вернулся с покупками на ранчо, как и планировал, к половине одиннадцатого. Поездка утомила, несмотря на умение накапливать и преобразовывать жизненную силу. Нагуэль находился в очень преклонном возрасте, хотя мало кто догадывался, сколько лет на самом деле старому индейцу.

Его имя, в переводе с языка племени Мапуче, означало –

ягуар. Замечательное имя для воина духа, каким и был Нагуэль.

Когда у старого шамана родилась внучка, его охватила большая радость, он понял, кто продолжит традицию и станет приемником сакрального знания. Потому и назвал девочку Айлен, что означало на его родном языке счастье и святую чистоту. «Она чиста, как солнце, и приносит столько же счастья в мою душу, – сказал Нагуэль, когда впервые взял внучку на руки. – Я назову тебя Айлен, дитя, ведь тебя ждет наибольшее счастье, счастье осознать и увидеть этот мир таким, каким он есть на самом деле».

Девочка полюбила старика с первых дней, всегда, едва заведя, тянула к нему маленькие ручки. Нагуэль понимал, почему всё происходит именно таким образом. С самого момента появления внучки на свет старик начал передавать ей знания, тонко, через чувства и энергию. Благодаря этому между ними образовалась тесная связь на уровне восприятия и сознания. Вот и сейчас, подъезжая всё ближе к своему ранчо, Нагуэль чувствовал, как Айлен готовит завтрак. Жарит омлет со специями и собирается сделать ему сюрприз.

Старик тайком улыбнулся, подумав о том, что внучка всё ещё не привыкла к тому, как тонко они могут ощущать друг друга на любом расстоянии. «Но ничего, она и сейчас многое понимает из того, что не смогли усвоить ни её мать, ни мой племянник. Впереди у девочки ещё много трудностей, но она сможет преодолеть их. У неё твердый дух и открытое

сердце», – подумал Нагуэль и повернул на проселочную дорогу. Проехав ещё полмили, оказался на ранчо.

Айлен услышала звуки приближающегося автомобиля, выглянула в окно. Зоркие глаза мигом заприметили знакомый «олдсмобиль», засветились радостью. Девочка живо выскочила во двор встречать деда, вернувшегося с покупками.

Нагуэль, с не свойственным старикам проворством, выбрался из машины. Свежий воздух наполнил грудь, запахло осенними листьями. Дверца захлопнулась, старик подошел к девочке, ласково погладил рукой по голове.

– У меня подарок для тебя, Айлен, – сказал он как всегда серьезно.

– Спасибо, дедушка! – воскликнула радостно девочка, схватила пакет со сладостями, обняла старика за пояс. Тот тайком улыбнулся.

– Пойдем в дом, внучка, выпьем горячего шоколада и поговорим о твоих снах. – Нагуэль взглянул в глаза девочке и кивнул, отвечая на невысказанный вопрос. «Да, я знаю, он опять снился тебе».

– Хорошо, я как раз хотела тебе всё рассказать дедушка. Пойдем на кухню, будем кушать, – Айлен запрыгала вокруг старика, радостно смеясь, – я уже приготовила нам завтрак!

– Отлично, тогда пойдем позавтракаем и поговорим.

Нагуэль пропустил внучку первой, а затем вслед за нею зашел в дом.

Сразу у входа, на теплой трубе газового обогревателя, си-

дел серый кот. Айлен называла его Дымок. Он пришёл к дверям дома ещё котенком, около года назад.

Девочка погладила кота по спине, тот довольно замурчал, зажмурил зелёные глаза. Старик тем временем разулся и вымыл руки, за столом уже ожидал вкусный завтрак, приготовленный внучкой. Айлен продолжала играть с разленившимся от тепла котом.

– Айлен, – окликнул Нагуэль внучку.

Девочка, напоследок потрепав кота за ухо, направилась в ванную. Вскоре выбежала обратно к сидящему за столом деду. На детском лице, как и прежде, сияла улыбка. Когда же Айлен, наконец, уселась за стол, Нагуэль, согласно старинному обычаю, благословил еду, и они принялись завтракать.

За едой не разговаривали. В принципе Айлен любила поговорить, но наверняка знала, что строгий дедушка этого не одобрит. «Мы поговорим позже, за чаем или чашкой шоколада», – решила она.

Яичница ещё не успела остыть и оказалась необычайно вкусной. Девочка сидела за столом, невероятно довольная собой, искоса поглядывала на пакет со сладостями. Цветная упаковка поблескивала на подоконнике. После того как закипел чайник, Нагуэль заварил горячего шоколаду. Тепло улыбнувшись, он передал чашку с напитком внучке и сказал:

– Завтрак был хорошим, ты замечательно справилась сама, а теперь расскажи о своем сне, Айлен.

Девочка кивнула, схватила чашку и села обратно за стол

напротив старика.

– Это был очень странный сон, дедушка, и я не совсем поняла его, – начала рассказ Айлен.

– Иной мир порой тяжело объяснить словами из этого. Другой мир – другой и язык, хотя когда видишь сон – тебе всё ясно. Непонятно становится, когда проснешься, – ответил Нагуэль, сложив домиком длинные сухие пальцы. – Рассказывай, что ты увидела, Айлен, а затем мы разберемся, что это значит.

Девочка вновь кивнула и стала пересказывать то, что явилось в сновидении. Большие карие глаза девочки смотрели на старика внимательно и с уважением.

– В этом сне я стала облаком, белым и легким, меня нес по небу теплый ветер. Мне было всё хорошо видно с небес, поля и луга, реки. А затем я увидела вдалеке у горизонта очень большой город, такой огромный, что мне захотелось посмотреть на него. В мгновение ока ветер подхватил меня и понес туда, куда я хотела.

Но, прежде чем приблизится к городу, я увидела его. Он стоял на краю обрыва и смотрел вниз. Я приблизилась и увидела, как печальны его глаза. Они были очень-очень грустными, и мне захотелось обнять его. Но другой человек опередил меня. Он появился из воздуха в нескольких метрах от обрыва, затем повернулся ко мне и улыбнулся.

– Привет Нагуэлю от меня, – сказал он беззвучно, так что стоящий у края обрыва не слышал его, а я слышала.

Затем тот, второй, высокий, у него безволосая голова, подошел к первому мужчине, тому, который мне часто снится. Безволосый положил ему руку на плечо, говорил о чём-то. Я не могла слышать их слова, они стали отдаляться от меня и затем растворились в небе. Я поднялась над облаками, затем сон закончился.

Айлен закончила рассказ и отхлебнула шоколада из чашки.

– Что это может означать, дедушка? И кто тот безволосый человек? – спросила она, глядя в глаза мудрого старика.

– А как ты считаешь, Айлен? Что это может значить?

– Может, у него, у того, что часто снится мне, случилось горе, потому он стал очень печальным. А тот, второй, безволосый, пришел утешить его? – высказала предположение девочка. – Но откуда он знает тебя дедушка? Ты знаешь того безволосого человека?

– Ты очень правильно предположила, Айлен. Твой знакомый попал в тяжёлую ситуацию, – кивнул Нагуэль, – а полысевший высокий человек, да, я знаю его. Это дон Пабло, или Ужарак, скала, как называли мы его. Он мексиканец, потомок славного рода, человек знания.

– Так это всё действительно случится, дедушка, или уже случилось? – спросила оживлённо Айлен, пристально всматриваясь в глаза Нагуэлю.

– Это то, чего уже не избежать. – Старик тяжело вздохнул, встал из-за стола и крепко обнял внучку за плечи. – Пойдем,

я покажу, как Наннук может услышать тебя на любом расстоянии.

Девочка радостно улыбнулась, прижалась головой к груди Нагуэля.

Высокий старик и стройная внучка вместе направились во двор, и серый кот с необычайно лукавым взглядом побежал вслед за ними.

Глава 5

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Лос-Анджелес. Клиника «Седарс – Синай»

Лестница жизни полна заноз, и больше всего они впииваются, когда вы сползаете по ней вниз. (У. Браунелл)

Больше всего Джо хотелось вусмерть напиться и забыть обо всём. Идея провалиться пару суток в кровати, в обнимку с бутылкой виски, казалась более и более удачной.

До клиники оставалась лишь пара миль. Вернее – пара минут, потому что летел Джо как ужаленный.

Белый «Форд» уверенно мчался по дороге. Лихо свистел встречный ветер, контуры седана отчетливо выделялись на фоне серого асфальта и такого же унылого неба.

В голове затихло, всё успокоилось, всё исчезло. Бесследно. Но Джо знал: стоит лишь остановиться, и оставшаяся позади депрессия нагонит, расплющит, подобно десятитонному грузовику, мимо которого промчался «Форд».

Джо наслаждался каждым драгоценным мигом покоя. Душа радовалась, мотор ревел. Профессор позабыл даже о странном старике и недавнем происшествии.

– Остановись, – донеслось сзади.

Профессор не придал этому значения. Сосредоточившись на дороге, продолжал гнать седан к черте города.

– Останови машину, Джо, – повторил голос, на этот раз чуть громче, так что проигнорировать его Джо уже не мог.

Завизжали тормоза, белый «Мондео» замер у края дороги.

– Что вы сказали, сэр, вы знаете мое имя?

– Я искал тебя, Джо, я искал тебя, – хрипло, с южным акцентом вымолвил старик, – но они нашли тебя раньше, мой Джо, они сломали тебе жизнь...

– Что? О чем вы говорите, сэр, наверно, вы сильно ушиблись при падении... – Голос профессора звучал растерянно. Старик договорить не дал, цепко схватив за рукав.

Выглядел пожилой чудак знакомо. Вновь чувство «дежавю», как и в случае с федералом, а затем сомнения.

– Помолчи, Джо, и послушай меня. Времени осталось мало, у нас обоих. Я умираю... Скоро многое изменится, ты должен быть готов. – Старик резко вытянул вперед свою костлявую, сухую руку, коснулся пальцем лба Джо.

Станный холодок скользнул по поверхности кожи головы профессора, а затем стал подбираться к темени и глазам. Холод пронзил кости и мозг, окружающий мир на несколько мгновений замер, Джо услышал внутри себя чистый звук. Тонкий и приятный, он ласкал израненную душу, наполнял надеждой и уверенностью.

– Я...

– Ты всё поймешь, Джо, им не подавить тебя. Только ты сам, ты хозяин себе. – Старик отдернул руку, устало положил на грудь. – Ты не помнишь меня, но верь мне и не теряй надежды. Ты вспомнишь, и тогда всё встанет на свои места, Джо. Больше ты не будешь забывать. Больше не будешь...

Станный старик умолк, в изнеможении закрыл глаза. Джо испугался, что тот умер, и вновь пощупал пульс на шее. Сердце билось, но, как и прежде, очень слабо. Лицо старца выглядело довольным и умиротворенным, на сухом загорелом лице застыла легкая улыбка.

– Я скоро доведу вас до больницы, сэр, с вами всё будет в порядке, – подбадривал себя Джо. Ловко перепрыгнул на переднее сидение, отметив, что былая вялость в ногах пропала.

Быстро и сноровисто профессор передернул рычаг коробки передач, завел «Форд» и выскочил обратно на дорогу.

Самочувствие Джо после разговора со стариком заметно улучшилось, головная боль прошла, появилась давно позабытая бодрость в теле. Чувство надежды и уверенности в себе крепили, расправляли крылья. Теперь проблемы не казались столь тяжёлыми. Депрессия сдавала позиции, чему Джо обрадовался.

Впереди возник фасад здания клиники, профессор сбросил скорость до пятидесяти миль в час. Оставалось совсем немного. Вспышка света, сознание выудило из памяти по-

следний разговор с Лили. Образы вторгались в распахнутый ум.

«Она спросила меня про федералов, про каких-то двух федералов, а я ни черта об этом не помню, о боже...». – В уме продолжали вспыхивать мутные и отрывистые картины.

Джо остановился у самого входа в клинику «Седарс-Синай», одну из лучших во всём городе, но и, конечно же, весьма дорогую. Джо надеялся на работающих здесь специалистов. Первоклассная медицина увеличивала шансы старика на жизнь.

Джо не мог ждать пока санитары сами выйдут к нему. Рывком захлопнул дверцу «Форда», бегом направился внутрь здания. Прямо с порога крикнул:

– Доктора, живо, у меня в машине пожилой человек при смерти!

Спустя мгновение подбежали несколько медиков с раскладными носилками, капельницей и целым набором медикаментов. Та, что помоложе, девушка, спросила:

– Что с ним случилось?

– Его сбил автомобиль, кажется... но он ещё жив, хотя пульс такой слабый. Он ещё жив... – неуверенно повторил Джо, тяжело сглотнув. – Там, на заднем сидении, у меня в машине.

Доктор и два санитары мигом выбежали во двор. Без труда заметили припаркованный у входа седан, направились к задним дверям, чтобы извлечь пострадавшего и госпитализи-

ровать его. Джо стоял на ступеньках клиники. Дыхание сбилось, взгляд метался по сторонам, русые волосы растрепались. Профессор отчаянно пытался справиться с волнением, тёр лицо и жмурил глаза.

Медики замерли перед распахнутой дверью автомобиля. Один из них, мужчина с носилками в руке, жестом подозвал Джо к себе. У того тот час же ойкнуло сердце: «Боже, только не это, только не умирай...», – повторял он про себя.

– Ну и где же ваш пострадавший? – с недоумением в голосе спросила девушка. Взгляд синих глаз пронзил Джо насквозь.

– Там, на заднем сидении... – ответил профессор и быстро метнулся к открытой двери авто.

Земля ушла у Джо из-под ног. Увиденная картина могла потрясти любого. На заднем сидении лежал серый помятый костюм. Чуть поодаль – чёрный дырявый плед, а на полу салона – старые красно-бурые туфли с покоящимися внутри них пожелтевшими ногтями и горсткой волос. И больше ничего.

– Он, он был здесь... я..., – начал было Джо.

– Если у вас всё, то мы вернемся к работе. – Девушка одарила Джо колючим взглядом и направилась к дверям клиники.

– Шизофреник какой-то... – отойдя чуть поодаль, прибавила она. Двое остальных медиков, в недоумении пожав плечами, также ушли вслед за ней.

– Чёрт знает что... – буркнул Джо Рид, неторопливо сел обратно за руль «Форда». Серый костюм, как и прежде, лежал на заднем сидении...

Более получаса понадобилось профессору, чтобы вернуть чувство реальности. Он был взволнован, взбудоражен и, кроме того, в гневе. Странное клокочущее чувство гнева преисполняло Джо, накаляло мировосприятие и обостряло все остальные чувства.

Сидя за рулем седана, Джо старался не обращать внимания на лежащий на заднем сидении плед и спрятанный под ним костюм. Профессору не хотелось вспоминать о встрече со стариком.

Всё внимание Джо сосредоточил на прошлом, а вернее, на тех провалах в нем, которые с недавних пор стал замечать. События прошедших дней просматривались, как видеоплётка. На месте провалов кадров не хватало, плётка становилась чёрной.

Первая такая дыра была совсем свежей и касалась ситуации на работе, о которой говорила Лили. «Два федерала, два федерала, – думал Джо, недовольно поджав губы, – что это, чёрт их дери, за два федерала?!»

Попытки давить на себя не приносили успеха, тогда Джо принялся более тонко анализировать события, произошедшие сегодня. Начал с самого утра.

Воспоминания оказались достаточно живыми и стойко со-

храняли депрессивный окрас. Хорошо припоминалась головная боль, полное безразличие. Словно отрезанный от остального мира, он ничего не замечал, целиком и полностью погрузившись в проблемы.

Сейчас, после разговора со стариком, Джо смог по-иному смотреть на жизнь. Со стороны, так, будто происходящее не касалось его самого. Смотрел бесстрастно, словно разглядывая кинематографическую картину, с одной лишь разницей – главным персонажем в этом фильме был он сам.

Прежде Джо никогда так не делал, это произошло само по себе. Чувства обострились, и ум принялся необычайно трезво мыслить.

Профессор Рид никогда не отличался слабоумием. Но разум использовал преимущественно в разнообразных исследовательских и научных вопросах, касающихся работы в лаборатории. Сейчас же ум вплотную занялся самим собой. И это доставляло Джо необычайную радость. Появился интерес к собственной личности.

Перемены произошли очень быстро и очень неожиданно, и профессору с трудом удавалось поверить, что он не замечал всего этого прежде.

Движение на улицах Лос-Анджелеса всегда кипело, сегодняшний день не стал исключением, но Джо этого попросту не замечал. Уверенной рукой держался за руль и продолжал анализировать события. До Шелл-стрит оставалось несколько миль.

«Мондео» замер на обочине, Джо вспомнил о валяющемся у него в багажнике блоке «Бадвайзера» и уже с пакетом в руке направился к двери своих апартаментов.

Ладонь проворно скользнула в карман брюк, ключи заблестели в руке. Джо собрался открыть дверь, но заметил, что та не заперта.

Осторожно носком туфли профессор ткнул её. Дверь бесшумно открылась. Джо старался не шуметь, снял туфли и стал тихо красться вдоль стены. Внимательный взгляд старательно изучал всё вокруг.

Было темно и страшно. Сердце бешено колотилось, волнение переполнило его до краев. Во рту пересохло, язык ощущался чужим.

Джо замер, прислушивался к полумраку комнаты. Тишина стояла мёртвая. Лишь слегка шелкали часы в гостиной.

Опасливо, на цыпочках, профессор Рид пробирался наверх, в спальню, где за шкафом находился сейф с огнестрельным оружием.

Там лежал семизарядный «Кольт» М 1991А1, сорок пятого калибра.

Стрелять Джо умел, и довольно хорошо. Научился ещё в университетские годы, когда проходил базовую военную подготовку. С тех пор любил иногда выезжать за город, пострелять по бутылкам. Пистолет купил себе гораздо позже, всего два года назад, в салоне «Современное Оружие», после того как некий пуэрториканец попытался ночью ограбить квар-

тиру на Даймонд-стрит. Тогда и решил, что оружие не помещает. На всякий случай. И вот сегодня случай подвернулся, а трусом Джо никогда не был.

Чтобы подняться в спальню, нужно было пройти по лестнице на второй этаж. Это могло оказаться рискованно. «Ступени заскрипят», – решил Джо и замер. Прижался к стене, вслушиваясь в подозрительную тишину.

Внезапно зазвонил мобильный телефон. Карман брюк завибрировал. По спине пробежал могильный холод, острый испуг молнией вонзился в мозг.

Джо судорожно огляделся по сторонам, ожидая нападения в любой момент. Телефон продолжал звонить. Профессор выхватил сотовый из кармана и взглянул на экран... неизвестный номер... услышал шорох за спиной и резко обернулся.

Прищуренный и холодный взгляд поросячьих глаз впился в профессора, так, что тот непроизвольно вздрогнул.

«Бежать прочь, пока не стало поздно».

Сердце Джо, казалось, вот-вот застрянет в горле... ум судорожно метался в поиске решения. Время застыло, текло как кисель.

«Это ловушка», – вспыхнуло в сознании, Джо попятился назад к выходу, но сильный удар по затылку остановил его.

– Не так быстро, мистер Рид, – холодная акулья улыбка блеснула в полумраке. – Не так быстро...

Глава 6

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Сан-Педро. Окружная тюрьма «Терминал Айленд»

Общество готовит преступление, преступник совершает его. (Генри Бокль)

Рино. «Самый большой маленький город в мире» – так гласит неоновая вывеска городка на западе штата Невада. Город получил свое имя в честь героя войны – Джесси Ли Рино, храброго генерала, сражавшегося плечом к плечу со своими солдатами. Так и погиб – как подобает настоящему воину, в сражении с конфедератами. Поймал пулю прямо в грудь. Но умер не сразу, успели донести до штаба. Последними словами героя стали: «Привет, Сэм, я умер». Голос генерала звучал настолько живо и твердо, что товарищ ему не поверил. Тогда Генерал Рино повторил: «Да-да, я умер! Прощай». Он был сильным человеком, этот генерал, память о нём сохранилась, и люди дали городу его имя.

Возможно, отважный герой расстроился бы, узнав, что в его честь назван город, где процветал игорный бизнес, проституция и торговля наркотиками. Возможно, и нет, теперь некого спросить.

Рино. Мать назвала его в честь города, в котором он появился на свет. Рино Сколаза по прозвищу «Бритва», также известный как «Кровавый Рино» или «Десятник».

Парню досталась тяжёлая судьба. Мать – малолетняя шлюха из провинциального городка на севере Невады. Отца своего Рино не знал вплоть до двенадцати лет. Тогда он ступил на криминальную тропу, улицы города манили и звали. Свободная жизнь, лёгкие деньги, опасные игры. Теперь же, когда уголовник разменял четвертый десяток, всё выглядело совсем иначе.

Окошко в двери камеры с хлопком открылось, резкий голос лейтенанта Шолли разорвал тишину в клочья.

– Сколаза! На выход!

– Что такое, лейтенант? – прищурившись, спросил Бритва. – Соскучились?

Когда нужно, Рино мог разговаривать как нормальный человек, долгие годы, проведенные в заключении, научили многому.

«Косить надо по полной, тогда не рухнешь как фраер».

– Ты мне повякай! – рявкнул Шолли, подавая сигнал открыть камеру. – В наручники его, ребята, а ты не дергайся, Рино. Будь хорошим парнем, – всё тем же командным тоном прибавил он. Взгляды заключённого и офицера полиции пересеклись.

– А чего мне дергаться, лейтенант? – ответил Бритва, на суровом лице появилась улыбка. Охранники торопливо за-

щелкнули браслеты на громадных запястьях. – Да и куда тут дергаться особо.

– Ты давай помалкивай и шевели задом. – Шолли держал руку на табельном оружии, следя за каждым движением заключённого. В отличие от остальных охранников, с делом Бритвы лейтенант предварительно ознакомился.

Заключённый номер тысяча сто двенадцать Рино Сколаза был переведен в «Терминал Айленд» из тюрьмы строгого режима «Пеликан Бей», где отбывал три пожизненных заключения. За хорошее поведение и участие в воспитательных программах на протяжении десяти лет Бритва получил перевод в тюрьму с более комфортными и мирными условиями.

– Ты у нас, значит, образцовый парень, да, Сколаза? – насмешливо бросил Шолли, ткнув дубинкой Рино в спину.

– А почему же нет, – спокойно ответил тот, не обращая на тычок никакого внимания. Продолжил неспешно шагать вниз по лестнице.

– Зачем тебе это, а? На волю хочешь, гад? Так тебе это не светит, – съязвил Шолли, ехидный смех эхом разнесся по коридору. – Тебе три пожизненных впаляли, вот будешь две жизни в углу тихо сидеть, может, на третий срок и амнистируют.

– На это и надеюсь, лейтенант, – всё так же спокойно ответил Бритва, склонив на бок смуглую, наголо выбритую голову. Мышцы канатами натянулись на громадной шее.

– Надейся-надейся, – хохотнул Шолли, – что ж тебе ещё остается. Надежда, как говорится, умирает последней. В смысле, ты-то раньше подохнешь. А теперь слушай сюда, – в голосе тюремщика зазвучал металл. – У нас здесь тебе не «Пеликан Бей», издеваться над тобой никто не станет, – лейтенант выдержал паузу, – если будешь вести себя тихо. Тут к тебе приехали гости, хотят поговорить, так что будь панинкой и не создавай проблем. Позже мы ещё потолкуем, – Шолли перевел взгляд на подчиненных, указал дубинкой на дверь, – уведите его!

Сколаза очутился в комнате, посреди которой стоял металлический стол и два стула. В углу, недвижимый, словно статуя, замер темнокожий офицер с автоматической винтовкой «Кольт» М4. Охранники, что привели заключённого, молча вышли наружу, Рино отчетливо услышал щелчок ключа в замке.

«Переговорная комната», – смекнул Бритва. За предыдущие десять лет никто ни разу не приходил проведать его.

Рино сел на стул, положил закованные в наручники руки перед собой. От нечего делать принялся рассматривать шрамы на пальцах.

За десять лет можно запомнить даже малейшие детали, следы от порезов, линии на коже.

«Я знаю каждую точку, прав был писака, память от этого улучшается».

Рино привык к скуке и одиночеству, ожидание стало привычкой, поэтому происходящее не выходило за рамки обыденности. А поскольку он привык контролировать ситуацию, стал как бы невзначай разглядывать комнату.

В правом верхнем углу находилась наблюдательная камера.

«Пасут, падлы».

Стулья и стол накрепко привинчены к полу, больше мебели нет. Одни лишь голые стальные стены. На двух из них – двери.

«Я вошел через ту, что сзади. Из второй подкатит бивень», – решил, поразмыслив, Бритва.

Действительно, так и оказалось. Жуткий скрип петель и щелчки засовов, дверь распахнулась. В проеме появился высокий худощавый мужчина лет тридцати на вид, в чёрном костюме и галстук.

«Мосол, – решил Бритва, – вшивый фраер... Какого хрена ему надо?».

– Мистер Сколаза, я полагаю? – вежливо и осторожно поинтересовался мужчина.

– Ну я, – отрезал Бритва, не скрывая: разговор ему не интересен. Склонив голову набок, принялся барабанить пальцами по металлической крышке стола.

– Очень рад встрече, – пижон положил дипломат на стол и присел напротив Рино. – Видите ли, мне пришлось ехать в Кресцент-сити, на самый север штата, чтобы найти вас. Но в

«Пеликан Бей» вас не оказалось, начальник тюрьмы сказал, что вас перевели сюда...

– Ну, перевели, – перебил Бритва, серые глаза пронзили бедолагу насквозь, – ты лучше скажи, сам кто будешь и зачем тебе понадобился такой человек, как я?

Пижон смутился, пальцы торопливо зашуршали по поверхности дипломата. Долговязый и пугливый, он походил на странное насекомое.

– Сейчас я вам всё объясню. Всё дело в том, что мне поручили вас найти, – начал рассказ пижон, осторожно открыл дипломат, – один весьма влиятельный человек, который пожелал остаться неизвестным. Он нанял меня, чтобы я нашел вас и передал вам вот это.

Дрожащая рука пижона протянула пластиковую папку. Рино неторопливо взял её, раскрыл. Внутри лежал всего один документ.

Взгляд внимательно изучал текст, скользил по ровным печатным строкам.

Безразличное выражение слетело с лица Бритвы. Глаза расширились от удивления, мышцы лица закаменели.

– Что это, хрен тебя дерит, значит? Как такое может быть, – почти шепотом сказал Рино, с трудом перевел взгляд на перепуганного пижона.

– Не знаю, мистер Сколаза. Здесь я ничем не могу помочь. Мне обещали заплатить вдвое больше, если я не стану заглядывать в папку. А также сказали, что я проживу гораздо

меньше, если всё-таки сделаю это.

– Да нет же, ты только взгляни, – не терпящим возражения тоном произнес Бритва, ткнул бумагу в лицо.

– Не могу, сэр. Извините, – пижон, схватил протянутый документ, проворно спрятал в дипломат, – до свидания, сэр.

Юрист вскочил со стула словно ошпаренный, высокий лоб покрывала испарина. На ходу едва не врезался носом в стену. Охранник с недоумением взглянул на странного посетителя, подал сигнал отпереть переговорную камеру.

Торопливо, словно бы спасаясь от пожара, незнакомец выскочил за дверь. Ритмично застучали каблуки туфель по коридору. Больше Рино никогда его не видел.

Охранники отвели Бритву обратно в камеру. Вечерело. Улегшись на нары, размышлял над смыслом происшедшего. За решетчатым окном шел дождь, клонило в сон, и Рино поймал себя на том, что не может зацепиться за мысль. Недолго раздумывая, перевернулся на бок и задремал.

Рино приснился кошмар. Во сне он снова был ребенком, маленьким и беззащитным. Тощий пижон гонялся за ним, намереваясь прихлопнуть папкой с документами. Рино пытался скрыться, но болван в пиджаке был гораздо больше и быстрее. Он легко догонял ползущего как улитку Рино. И как итальянец ни старался, убежать не мог, ноги отказывались двигаться.

Кошмар не прекращался, Рино оказался в ловушке, поза-

ди него выросла глухая стена. Громадный, как статуя свободы, пижон собирался раздавить итальянца ногой в длинном чёрном ботинке.

Бритва вскочил с койки в холодном поту. Сердце бешено колотилось, громадными кулаками принялся тереть широко распахнутые глаза. Несмотря на то, что бредовый сон ушел, неприятное чувство беспокойства до сих пор оставалось.

«Всё эта хренова бумажка, – подумал Бритва, кулак вlepился в стену, – гребаный кусок бумаги. Так не катит, нет никаких доказательств, что канва не липовая. Может, и «липа». Сейчас и не такое можно нарисовать... Карлос из Диего без проблем рисовали реальных «Франклинов», а тут какая-то канифоль».

Рино успокоился, присел обратно на нары. На стене возле кровати висел эротический плакат с изображением Летиции Касты. Девушка, кокетливо прикрыв наготу, выходила из бассейна. Итальянец ухмыльнулся. Возле подушки лежал роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Рино с детства любил эту книгу. Главный персонаж напоминал заключённому его в детстве.

«А если таки не «липа»... – вспыхнула догадка в голове, беспокойство вернулось обратно. – Как знать?».

Желание всё прояснить не могло осуществиться до тех пор, пока Рино оставался за решеткой. Свобода требовалась как никогда.

«Надо плести лапти».

Да, Бритва планировал побег. Планировал долгие десять лет. Невыносимо долгие десять лет примерного поведения, столь не свойственного буйному характеру. Казалось, целую вечность Рино изображает из себя образцового зэка. И лицедейство принесло плоды. Да ещё какие, с пожизненным заключением получить перевод в мало охраняемую тюрьму для угонщиков машин и продавцов травки...

Бритва собирался отсидеть ещё пару лет, пусть бы все пообвыкли. Да и приглядеться нужно хорошо, изучить местность.

«Этот чёртов мосол со своей, будь она трижды проклята, бумажкой спутал все карты».

Теперь хотел бежать прямо сейчас... «Канифоль это, шевели рогами, бивень, – говорил себе Бритва, – всё заперешь, десять лет псу под хвост. Они замочат тебя, как лоха, и пустят балду на звенья».

– Нужно время, не гони, – твердил Рино. Разволновался, пальцы выбивали дробь по корешку книги. – Посиди на фонаре, кино покрути. Ты ж не лох и не фраер. Время...

Окружная тюрьма «Терминал Айленд» располагалась на искусственном острове между Лос-Анджелесом и Лонг Бич. С континентом её соединяли три моста.

«Толку от них – мало, только фраер стал бы по мосту лапти плести. Правда, фраер и ног не нащупает, куда там плести лапти», – рассмеялся собственным мыслям Бритва. Сильные пальцы продолжали ритмично стучать по шершавой облож-

ке.

План в голове назрел давно, требовалось лишь разведать местность, разузнать, что к чему, чтоб адаптировать идею под ситуацию. Этим итальянец и занялся сразу после перевода.

«Всё шло путем, пока этот бацильный фраер не прикандохал со своей канвой. Как вира выгорит – найду и замочу его», – решил Бритва, бережно отложив книжку в сторону. Огромные кулаки сжались так, что костяшки на руках побелели, ногти до крови впились в ладони.

Спустя несколько минут Рино всё-таки успокоился, улёгся на нары. С интересом принялся разглядывать грудь Летиции Касты, взиравшей на него с цветного плаката на стене. Сентябрьский плакат журнала «Эль» 2008 года. Фотография очень нравилась итальянцу, с одной стороны, женская красота возбуждала, с другой – умирляла буйный нрав.

– Ты сводишь меня с ума, детка. Ну и буфера же у тебя... – кивал Рино, почесывал бритую голову. Широкая, во весь рот, улыбка коснулась блеклых губ. – А какие булки...

Злость постепенно растворялась в женской красоте, но тревога так и не прошла. Наоборот, становилась ещё острее. Напряжение мешало думать, мысли путались, мышцы закаменели.

Перед глазами до сих пор стояли, как фотография, все те буквы, печати и подписи... Они давили, пугали и тревожили. Бритве отчаянно хотелось выбросить эту дрянь из голо-

вы, позабыть обо всём. «Или нет... – подумал он. – Нет, я разберусь, я расколю этого лоха. Он мне всё выложит сходу, когда гасить стану».

Идея о насилии над ненавистным пижоном грела душу. Рино блаженно прикрыл глаза и распластался на койке. Злость вытесняла тревогу, но вскоре всё вернулось на круги своя. Перед мысленным взором вновь замерло пожелтевшее от времени свидетельство о смерти, подписанное неким дежурным доктором Лоренсом. То самое проклятое свидетельство со стоящей на нем синей печатью Городской клиники города Рино, Штат Невада, и датированное двенадцатым августа 1971 года. Днем рождения Рино Сколазы.

Глава 7

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Где-то в темноте

Крайнее отчаяние всегда порождает великую силу. (С. Цвейг)

Джо очнулся от удара головой о твердое и острое. Теплая жидкость тонкой струйкой потекла по лбу к переносице. «Кровь, – решил профессор Рид, зубы стиснулись от боли, – но, по крайней мере, я жив».

Джо окончательно пришел в себя, попытался пошевелить руками. Не удалось, оба запястья туго схвачены за спиной стальными обручами наручников.

Сильно саднила голова. Тупая и ноющая боль в затылке напомнила о недавно случившемся. Рот Джо был заклеен скотчем, на глазах – плотная повязка.

«Кто-то хорошо позаботился о том, чтобы я никуда не делся». Профессор предпринял попытку подняться с жесткой рифленой поверхности, но безрезультатно. Оказалось, что с ногами дело обстоит не лучше. Туго связанный, Джо не мог пошевелить даже пальцем.

Ноющая боль в затылке не утихала. Присохшая кровь коркой покрывала шею, прилипла к волосам. Джо издал при-

глушённый стон, в груди хрипело, перевернулся на другой бок. Разбитому плечу требовалось хоть немного отдыха. Пока профессор лежал без сознания, правая сторона тела сильно затекла и теперь причиняла массу неудобств.

Джо понимал – он жертва и мало чем может помочь себе. Оставалось только ждать. Ожидание терзало душу. Волнение и страх смешались, опасная гремучая смесь рвалась на свободу. В любой момент этот коктейль мог вспыхнуть и разорвать в клочки ещё борющееся сознание и чувство надежды.

В уме профессора вертелось лицо незнакомца. Старик молча улыбался. В глубоком и мудром взгляде старца читались спокойствие и безграничная уверенность в себе. «Им не сломать тебя, мой Джо, им не сломать тебя», – продолжая улыбаться, произнес старик. Худая длинная рука вытянулась вперед, словно пыталась достать до связанного Джо.

Профессор вновь ощутил прилив бодрости и знакомый холодок в голове. Боль отступала. Приятное ментоловое ощущение благодати разлилось по всему телу. Джо не мог понять, что происходит, но не волновался, скорее даже наоборот. Надежда на спасение вспыхнула в отчаявшемся сердце. Казалось, что лысый старик сидит рядом с ним, в знакомом костюме, бурых туфлях, и по-доброму улыбается.

Джо различил едва уловимый звук. Голоса. Один – более тонкий, возможно, женский, а второй, хриплый, наверняка принадлежал мужчине.

Звуки голосов приближались, профессора охватил страх. Страх потерять жизнь. Сердце затрепыхалось, кровь молоточками застучала в висках. Но терять самообладание Джо не спешил. Наоборот, пытался успокоиться. Легкие расширились, глубокий вдох и медленный выдох.

«Нельзя терять контроля».

Всё естество профессора напряглось, он старался понять, о чем говорят два таинственных голоса.

В тоне говорившего мужчины звучали легко различимые властные нотки, выдававшие в нем человека, привыкшего командовать. Но присутствовала также и хриплая злоба, шипящая, словно змея.

«Зверь готовится к броску на жертву».

Джо знал: жертва – он сам. От подобных мыслей стало не по себе.

Рана на затылке напомнила о себе полосующей болью. Джо стиснул зубы, едва сдержал стон.

«Возможно, они хотят убить тебя, Джо», – страх вновь сдавил легкие.

Профессор тут же осадил себя – они могли это сделать ещё там, в доме. Ты им нужен, Джо, ты зачем-то нужен этим ублюдкам. Но как только надобность пройдет, тебя зальют в бетон или бросят в реку».

Догадки профессора резко прервались. Слух уловил мягкий, сладковатый голос женщины. Этот тембр, мог ли Джо его позабыть? Боль в сердце мигом напомнила о ещё свежей

ране.

Милый женский голосок, ведущий беседу с властным мужчиной, вне всякого сомнения, принадлежал Луизе.

«Меня предали».

Правда изумляла настолько, что Джо на мгновение забыл, где находится. Хотелось что есть духу закричать: «Луиза! Что, чёрт побери, происходит?! Лу!».

Но профессор так не поступил, сумел побороть себя. Сердце преисполнилось суровой решимостью разобраться во всём до конца. И отомстить.

Впервые в жизни Джо хотел мести. И не просто хотел – жаждал, как умирающий в пустыне жаждет капли влаги. Как утопающий в море, чья грудь разрывается от ненависти к жестокому миру, алчет куска суши у себя под ногами. Так и он жаждал. И эта гневная, бурлящая жажда преисполняла профессора, вытесняя всё.

Тяжело было сознавать, что человек, которого ты любил больше жизни, оказался замешанным в подобном. Джо ни секунды не сомневался, что горячо любимая Лу приложила руку хоть и не к затылку, но ко всему происходящему.

«За что мне это? – Джо принялся жалеть себя, но тут же осекся. – Не сейчас, нет, ты не должен раскисать. Она предала тебя, может, даже и не любила никогда».

Однако боль не унималась, рассудок не поддавался. От обиды опускались руки, не хотелось жить. «Неужели это всё?!» Но клокочущая, словно лава, жажда мести оказалась

сильней. Как жадное пламя пожирает всё на своем пути, столь же стремительно и она расправилась с остатками сожаления.

Прежний мир Джо рушился за доли секунды, горел и падал вниз. Падал и падал...

Лу была его миром, ожившей мечтой. Профессор всё чаще просыпался с улыбкой на лице. Писал ей стихи, хотел жениться, завести с детей, заниматься любовью и просто быть счастливым. Оказалось, что мечтаниям не суждено сбыться. На смену красивой грезе пришла повязка на глаза и тугие веревки. Кровожадная злость – на смену нежной любви.

Джо почувствовал – произошедшие за сегодняшний день события сильно изменили его. Обнажили гнилую и больную плоть реальности, скрытую под красивой, изысканной одеждой лжи.

Теперь профессор чувствовал силу, бурлящую, взывавшую к жизни. Голодную и неистовую. Свирепую силу гнева. Безбрежный океан ревущего и гудящего пламени. Алая бездна.

Остатки прежней личности Джо очень дивились перемене, предпринимали беспомощные попытки удержать прошлое, цеплялись за привычное. Но безоговорочно проигрывали, утопали и сгорали в океане гнева.

«Да! – громкий возглас сознания эхом отразился от души Джо. – Да!», – донеслось изнутри». Перед глазами возник старик, как и прежде, в дешевом сером костюме.

– Это праведный гнев, Джо. Это праведный гнев, – сказал он и исчез.

Джо думал, что появление старика успокоит, но нет. Ярость вспыхнула с новой силой.

Сказанные стариком слова подлили масла в огонь. Профессор торжествовал победу над страхом, болью и невежеством.

Теперь Джо Рид окончательно осознал: «Я стал совершенно иным человеком. Решительным, сильным, жёстким». В венах пульсировала мощь.

«Это власть. Не та, что, насилуя, унижает других и превозносит тем самым себя над ними. Нет, иного рода власть. Власть над самим собой, полный контроль всего внутри».

Ничто иное прежде так не радовало Джо.

В крошечной тьме раздался взрыв. Этот взрыв вырвался наружу из легких связанного человека с окровавленной головой. Это был взрыв хохота.

Глава 8

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Сан-Педро. Окружная тюрьма «Терминал Айленд»

*Только гнев и страх заставляют применять
насилие. (Фрэнсис Бэкон)*

План Рино отличался простотой. Как, впрочем, и гениальностью. Замечательное подтверждение тому, что всё гениальное – просто. Криминальный гений бросал вызов обыденности, доказывал, что туповатый на вид, здоровенный итальянец Рино Сколаза вовсе не настолько глуп, как может показаться на первый взгляд.

Для реализации плана Бритве требовался помощник. Им мог стать любой человек. Неважно кто, заключённый или охранник. Да хоть старик уборщик, едва передвигающий ногами. Обычно тот, со своей тележкой и шваброй, устало шаркал вечером по коридорам перед отбоем. Для Рино личность помощника не играла роли, ведь его интересовало тело. Вопрос состоял в другом: «Как его получить?». И вот здесь-то хитрый итальянец проявил себя во всей красе...

Ещё парнем Бритва часто принимал участие в закрытых кулачных боях. Боксом там и не пахло. Дрались до тех пор,

пока противник не испустит дух. Ставки были велики: победитель получал деньги и славу, проигравший – позор и смерть.

Рино рос на улице, предоставленный себе самому. С самого детства оказался один на один с жестокой и беспощадной системой, перемалывающей жизни. Но как бы ни был силён этот многовековой зверь, а справиться с коренастым и хитрым Рино ему оказалось не по силам. Судьба любила парня.

Любила, но обходилась с ним очень и очень жёстко.

Мать Рино стала путаной ещё в четырнадцать лет, когда её родителей убили ирландцы. Сама Розалия, или Роза, как все её называли, была итальянкой. Вместе со своими родителями и сестрой она приехала в штаты из Сицилии ещё в ноябре 1963 года. Совсем незадолго до известного всем скандала с убийством тридцать пятого президента соединенных штатов Джона Кеннеди.

Жило семейство Сколаза (у родителей было две дочери) на небольшой ферме на севере Невады, в местечке под названием Пэрэдайз Вэлли. Это был маленький и тихий городок с населением чуть больше чем сотня человек. Хорошей работы здесь не имелось, потому семья Сколаза занималась сельским хозяйством. И, может, Рино так никогда и не появился бы на свет, если бы не тот злополучный вечер одиннадцатого декабря 1970 года...

Люди часто строят планы, но судьба распоряжается иначе... Старшая сестра Розы, Анна-Лиза, обладала невероятно

женственной фигурой и всегда нравилась парням. Как только семья поселилась в Пэрэдайз Вэлли, она, тогда ещё совсем девочка, едва ли не с первых дней стала дружить с рыжим мальчуганом – Джошуа О’Коннеллом, сыном местного богача. Джош рос забиякой, но выглядел пригоже, а отец его к тому же происходил из богатого ирландского рода.

Постепенно дружба переросла в нечто большее. Дело шло к свадьбе, но в 1968-м Джоша забрали в Армию. Молодой жених попал во Вьетнамский ад.

Жестокость войны ужасала, убитых исчисляли тысячами. Подолгу с фронта не приходило вестей. Затем редкие короткие письма, Анна-Лиза радовалась, что любимый жив-здоров, хоть и пролежал в госпитале два месяца с тяжелым ранением.

Начиная с июля 1969-го весточки от Джошуа перестали поступать. А затем пришло лишь одно письмо, оповещавшее родителей Джоша о том, что их сын пропал без вести. И семья О’Коннеллов, и сама Анна – Лиза сочли парня погибшим.

Девушка хотела покончить с собой, но судьба распорядилась иначе. Майлз, младший брат Джоша, вовремя оказался в нужном месте. Анна-Лиза не умела вскрыть себе вены, и Майлзу удалось её спасти. Жизнерадостный и оптимистичный парень смог вернуть ей волю к жизни. Позже они поженились. А чуть более чем год спустя вернулся Джошуа, герой вьетнамской войны...

Джош обезумел от ярости, когда узнал, что Анна-Лиза не дождалась его и к тому же ждет ребенка от родного брата. Разругавшись со всеми, герой войны днями напролёт заливал горе спиртным.

В итоге буйный нрав, что так нравился Анне-Лизе, сыграл с Джошуа злую шутку. Напившись до чёртиков, Джош, вооружился дробовиком и отправился в дом, где жил брат с молодой женой. Гнев разрывал сердце на части.

Майлзу Джош выстрелил два раза в живот и раз в голову, брат стоял спиной и умер на месте, даже не поняв, что произошло. Затем пьяный Джошуа поднялся наверх и нашел там перепуганную Анну-Лизу. Молодая жена находилась на восьмом месяце беременности...

Она умоляла не делать глупостей, пыталась объяснить, что считала его погибшим. Безумный гнев Джошуа не остудили ни слёзы, ни мольбы девушки, выпитого оказалось слишком много. Рассудок не мог трезво мыслить, ярость и злоба требовали крови. В итоге он убил и свою любимую. Забил насмерть прикладом ружья. Затем спустился вниз, где на него набросился отец семейства Сколаза. Старик прибежал на звуки выстрелов. Джош пристрелил и его, а вслед за ним и жену итальянца.

Душегуб собирался скрыться с места преступления, но тут на него со спины набросилась девочка-подросток. Серебристой молнией блеснула опасная бритва «Золинген». На бедре убийцы раскрылась глубокая рана. Джошуа взвыл от

боли, кровь хлестала из рассечённой вены. Но на войне случалось и хуже. Приклад ружья тяжело опустился на голову подростка, та потеряла сознание.

Темноволосая девочка так напоминала Джошу Анну-Лизу в дни их первого знакомства, что рука убийцы дрогнула. Он не смог погубить невинную красоту. Вместо этого преступник наспех перетянул рану ремнем, подхватил лежавшую без чувств на руки, занес в дом. Джош изнасиловал девочку, не обращая внимания ни на лужи крови, ни на погибших. Роза кричала, пока не охрипла, но лишь трупы родных были свидетелями ужасному преступлению, случившемуся одиннадцатого декабря 1970 года.

Спустя девять месяцев, двенадцатого августа, в клинике «Нью Лайф» у малолетней Розы Сколаза родился сын.

Девочка долго не могла родить, плод оказался слишком большим, пришлось делать кесарево сечение. Доктора не смогли остановить внутреннее кровотечение, кровь не сворачивалась. Так и не увидев сына, Роза умерла. Прямо на хирургическом столе.

Девочка не успела даже единый раз обнять родное дитя.

– У тебя мальчик, – сказала медсестра, слеза скатилась по щеке к подбородку, – очень крупный здоровый малыш.

– Рино, я назову его Рино, – прошептала Роза дрожащими губами, хотела сказать ещё что-то, но не успела.

Когда маленькому итальянцу исполнилось двенадцать лет, от двоюродного дяди, хозяина бара «Козырный Туз» Ди-

ка Порзелли, он узнал правду о своем появлении на свет и о том, что случилось с семьёй его матери. Недолго думая, двенадцатилетний парень сел на автобус и отправляется в поселок Пэрэдайз Вэлли. Там Рино без труда нашёл дом некоего Джошуа О'Коннелла. Тот проживал с женой и двумя детьми на окраине города.

Подлец не попал за решетку, ему всё сошло с рук благодаря знакомствам и деньгам отца. Во всех убийствах негодяй обвинил своего брата Майлза, которого Джош застрелил, якобы защищаясь. А затем подкупленные на отцовские деньги свидетели и присяжные всё это враньё подтвердили.

Рой О'Коннелл, потеряв Майлза и красавицу невестку, не смог отказаться от любимого сына, несмотря на свершенный им ужас.

Но заплатить по счетам преступнику пришлось. И заплатить не кому иному, как собственному ребенку. Сыну той молодой девочки, которую он тринадцать лет назад изнасиловал в доме с ещё не остывшими трупами родных.

Рино бесшумно подкрался к пьяному Джошу, спящему в кресле. На лице не дрогнул ни один мускул, в глазах – холодная решительность. Рука нырнула в карман, пальцы со злобой сжали то единственное, что досталось от матери. «Золинген» – было выгравировано на лезвии.

Блеснув в полуденном свете солнца, острая сталь опасно приблизилась к горлу спящего, а затем серебристой молнией рванулась влево. Беззащитная плоть обагрилась кровью.

Булькающий предсмертный хрип вырвался из рассеченного горла. Джош схватился за рану, кровь толчками плескалась сквозь пальцы. Вмиг протрезвевший взгляд наполнился болью и пониманием. Последнее, что увидел Джош, – ухмылку на лице коренастого смуглого паренька и лезвие, бьющее по глазам...

Так родился Бритва, жестокий и расчётливый уголовник, известный также среди преступного мира как Кровавый Рино. Прозвище итальянец получил за пушечный удар левой, от которого у оппонентов вылетали зубы и раскалывались челюсти, а кровь лилась ручьями во все стороны.

Боец из Рино вышел отменный, сильный, выносливый и хитрый. А то, что левша, давало весомое преимущество над противником, не привыкшим к сокрушительным ударам левой руки. Таких оказывалось большинство...

Именно сейчас Рино рассчитывал реализовать план побега из окружной тюрьмы штата. И хитрый пушечный удар левой играл в нём не последнюю роль. Сам же план оказался действительно очень и очень прост...

На этаже по всему периметру были рассредоточены камеры и датчики движения. Охранников на постах стояло всего несколько, один возле экранов и второй у дверей выхода из секции, двое на каждый модуль.

Содержание заключённых в Калифорнии всегда обходилось дорого и считалось невыгодным, по этому случаю и закрыли Алькатрас двадцать первого марта 1963-го. Теперь

остров смертников представляет собой заповедную зону.

Тюрьмы Калифорнии, в которых содержали малоопасных зеков, к их числу относилась и «Терминал Айленд», сэкономили на кадрах.

Окружная тюрьма находилась в черте города, и здесь никогда не держали особо опасных заключённых. Кроме того, в 2005 году количество отбывающих свой срок здесь сократили почти вдвое, с двух тысяч до тысячи двухсот. Вскоре вслед за этим последовало и сокращение персонала тюрьмы на треть. Западный Региональный Офис Федерального тюремного бюро в Дублине, штат Калифорния, счел такие изменения вполне разумными, учитывая стоимость содержания заключённых и статус «Терминал Айленд» в целом. Во всех документах окружная тюрьма значилась как имеющая низкий уровень защиты. Именно поэтому особо опасных преступников здесь никогда не держали, если не считать сидевших здесь с 1939-го по 1941-й Капоне и Чарльза Мэнсона в 1966 – 67-м.

Рино Сколаза прекрасно знал историю тюрем. Нужные сведения передавали с воли.

Долгие десять лет итальянец планировал переводение. Именно поэтому никогда не принимал участие в побоищах, регулярно происходящих в «Пеликан Бэй». Целые десять лет слыл хорошим парнем, фильтровал базар, сотрудничал с охраной и принимал участие в экспериментальных образовательных программах по перевоспитанию заключённых.

Рино поступал так сознательно, знал, что рано или поздно послушного зека переведут. Выдернут из тюрьмы с максимальным уровнем безопасности: «Из неё сплести лапти никто не сможет», – в иную, менее охраняемую. Теперь, когда спустя десять лет ожидаемое случилось, дело оставалось за малым.

В модуле, где находилась камера Рино, несли караул, как и везде, всего двое охранников. Замки на дверях стояли электронные и открывались только с панели управления, за которой сидел один из копов. Открыть камеру мог только охранник, находящийся за толстым пуленепробиваемым стеклом в закрытой комнате. За длинным коридором тюремной секции молчаливо следила система видеонаблюдения.

Кроме того, существовали датчики движения, также включающиеся в комнате охраны. Преимущественно на ночь, когда копы не так старательно следили за происходящим. «По ночам они обычно пялятся в «ящик», смотрят бейсбол или хоккей, – улыбнулся в мыслях Бритва, уже успевший навести справки об охране».

Ночным мероприятиям не отводилось места в плане. Рино собирался провернуть дельце именно днем, когда датчики движения отключены.

Ровно в два по полудню заключённых забирали на обед. Оставалось полтора часа, за это время Бритва должен срочно раздобыть человека.

«Остальное – сделаю сам».

Глава 9

07.10.2012. США. Штат Вайоминг. Резервация «Уинд- Ривер». Ранчо «Норс Стид»

В мире нет ничего таинственного. Тайна – это наши глаза. (Элизабет Боуэн)

Наннук росла послушным и чутким животным, потому почти сразу научилась слышать зов. Нагуэль всего раз показал внучке, как следует подзывать лошадь, но ей оказалось достаточно.

Девочка отошла от Наннук на несколько десятков футов, сосредоточилась. Лошадь повела головой в сторону, фыркнула. Айлен почувствовала тонкую связь, душой потянулась к Наннук, и та отозвалась! Старик лишь хитро улыбнулся.

Зов – древнее искусство, которым пользовались индейские предки. Нагуэль давно собирался обучить внучку и потому подарил молодую кобылу около года назад. Айлен очень обрадовалась такому подарку, лошадей она любила невероятно. Вот и этим утром Айлен, едва лишь открыла глаза, мысленно позвала лошадь. Снаружи донеслось радостное ржание.

«Хорошая Наннук, – подумала девочка, вставая с посте-

ли, – надо будет поиграть с ней».

Утро выдалось прохладным, из лесу, с холмов, на ранчо спустился сырой туман. Нагуэль, вышедший во двор покурить трубку, всматривался вдаль и пускал колечками дым. Предвидел: сегодня будут гости.

Старик всегда знал о предстоящих событиях, ближайшее будущее редко становилось секретом или загадкой для Нагуэля. Тревожило иное. И дело тут не в визитере. Вовсе нет. Всё обстояло иначе. Настолько необычно для привычного порядка вещей, что сравнивать не с чем.

Но Нагуэль и не был обыкновенным человеком. Совсем наоборот, шаман, или человек знания, как называл себя старик, – это из ряду вон выходящая личность. Да и можно ли такого человека называть личностью вообще? Ведь именно собственная личность и есть, по словам Нагуэля, его основной враг.

Старик был очень свободным человеком и под своей свободой подразумевал нечто такое, что понять сразу или даже поразмыслив изрядно всё же не удавалось. Трудно постичь ту мудрость, которую он накапливал десятилетиями, человеку не искущённому в делах и образе жизни шамана. Нагуэль говорил так: «Свобода – это не то, что можно отнять, или то, что можно обрести, это то, что нужно осознавать всю свою жизнь».

И всё же Нагуэль тревожился. Хотя знал, что визитер не может повредить ему. Всё, к чему старик стремился, давно

стало частью прошлого. Держало в мире лишь одно – последнее желание. Нагуэля интересовала традиция, линия преемственности, которая ни при каких условиях не должна прерываться. Айлен – для неё он жил и о ней беспокоился. Нагуэль знал, что незваный гость может навредить внучке. Хотя цель визита иная.

Ещё издалека Нагуэль заметил приближающийся автомобиль. Утренний туман пока не рассеялся, стелился по земле, прятался в лысеющих кронах деревьев. Визита старик ожидал, потому совсем не удивился и продолжил курить. Дым растворялся в холодном влажном воздухе, таком же молочно-белом, как и облака тумана.

Машина на некоторое время пропала из виду, а затем появилась вновь. Чёрный джип «Дженерал Моторс» последней модели, громадная посуда на водородном двигателе. Автомобиль замер прямо перед въездом на ранчо, из открывшейся дверцы наружу вылез высокий человек. Чёрные волосы коротко острижены, лицо выглядит грубовато, нос переломан в нескольких местах, на лбу и щеке виднеются белые полосы шрамов. Серые глаза смотрят сурово, но осмысленно. Вышедший из чёрного джипа мужчина лишь по виду напоминал типичного громилу, взгляд и выражение лица выдавали в нем человека как необычайно умного, так и столь же опасного.

Мужчина предпочитал одеваться во всё чёрное. Исключение составляла коричневая кожаная куртка, накинутая на

широкие плечи. Захлопнув дверцу автомобиля, гость, не торопясь, направился к старику.

– Дон Нагуэль, – обратился незнакомец, приблизившись.

– Это ты ещё помнишь. – Старик кивнул, вынул трубку изо рта, кольца дыма слились с туманом. – Зачем пришёл?

– Вы не должны вмешиваться, Дон Нагуэль, иначе девочка пострадает. – Мужчина лишь на мгновение взглянул в глаза индейцу. Не выдержал взгляда, поспешно отвернулся. – Что скажете, Дон Нагуэль?

– Я приму условия. Но если кто-то здесь появится, то пожалеет. Так и передай. – В глазах старика блеснул свирепый огонек, и если бы приезжий не отвел взгляда прежде, то сейчас отвернулся бы наверняка.

Развернувшись к собеседнику спиной, Нагуэль зашёл в дом и захлопнул за собой дверь, ясно дав понять, что разговор закончен. Мужчина в кожаной куртке в знак согласия кивнул и тихо ответил:

– Передам, Дон Нагуэль, непременно.

Мужчина покинул веранду дома и направился к своему автомобилю. Минуту спустя о том, что на ранчо наведывался гость, свидетельствовали лишь широкие следы покрышек на мокрой земле.

Старик знал приезжавшего. Джейсон. Экстрасенс, родом из Сиэтла. Джейсону прежде приходилось бывать на ранчо. Предыдущий визит состоялся около десяти лет назад, незадолго до того, как появилась на свет Айлен. Парень обладал

незаурядными экстрасенсорными способностями и сильным характером, кроме того, являлся двукратным чемпионом США по кик-боксингу.

В прошлом Нагуэль помогал молодому Джейсону. Оттачивал навыки, связанные с восприятием.

Старику не требовалось много времени, чтобы заглянуть в душу человеку. С первого взгляда он понял, какая судьба ожидает парня, но ничего не объяснил. Дал совет: «Когда ты достигнешь того, за чем гонишься, то поймешь: оно того не стоило. Поэтому думай сейчас, понимай сейчас, осознавай сейчас и действуй».

Джейсон оказался парнем упрямым, советам не внял. Слова Нагуэля всплыли позже, после вступления в ряды ФБР. Джейсон насторожился. Всё чаще сомневался в правильности выбора.

Нежданный гость уехал, Нагуэль с внучкой вновь остались одни. Но многое, конечно, изменилось, и для самого старика и для девочки. Прежде всего, изменения касались человека, который снился Айлен. Ведь именно ему Нагуэль не должен теперь помогать, так как дал слово Джейсону о своем невмешательстве.

– Тот человек, дедушка, кто он? – спросила девочка, подходя к старику. Нагуэль задумчиво чистил трубку от пепла и смолы.

– Это злой дух в облике человека, Айлен. Его пути ещё пересекутся с нашими, но ты не должна бояться его. Он слаб,

хотя и кажется сильным. – Нагуэль присел в плетеное кресло у камина, стал смотреть на огонь умиротворёнными, полными мудрости глазами.

– А зачем он приезжал? – Айлен устроилась на стуле рядом с дедом. – Что ему от нас нужно?

– Он хочет навредить человеку из снов. Злой дух часто приходит в облике ворона. Хотя и не всегда. Ворон мудрая птица.

– Ты тоже видел ворона, да, дедушка? – разволновалась девочка, неотрывно глядя на старика.

– Да, – ответил коротко Нагуэль и умолк, призадумавшись. – Расскажи мне о сегодняшнем сне, Айлен.

– Сон не был страшным, дедушка, но он мне не понравился. В нем было предостережение и печаль. Я расскажу всё по порядку, а потом хочу кое-что спросить у тебя. – Девочка ласково погладила сухую и жилистую руку старика, лежащую на столе.

Нагуэль прикрыл глаза, кивнул.

– Обычно, когда я засыпаю, – начала рассказ Айлен, – я чувствую, что приходит сон, и затем могу отличить его. В этот раз случилось иначе. Мне приснилось, что я сплю, и я запуталась. А затем – проснулась, во сне. Что-то тревожило, не давало покоя. За окном шел дождь, стояла ночь. Посидев на кровати, я решила, что попробую ещё немного поспать. И это мне удалось, дедушка, я уснула вновь, уснула во сне! – Девочка подняла взволнованный взгляд на Нагуэля, увидев-

ла добрые умиротворенные ореховые глаза и успокоилась. – Тогда я почувствовала, наконец, что приходит сон, но ощущение было совсем иным, более глубоким. Я перестала понимать, что сплю. Мне, наоборот, казалось, я проснулась. А затем, бабушка, я увидела ворона, он сел на подоконник и стал каркать, как бы звал меня с собой. Ворон смотрел на меня чёрными глазами и всё каркал. Я разволновалась, хотела прогнать его, но птица не уходила, хоть я и стучала в окно. Трудно было понять, чего он хочет. Мне казалось, ему нужна я.

Затем комната пропала, передо мной возник океан, а у кромки волн, на берегу, стоял он, тот самый человек, что часто снится мне. В руках у него сиял меч. Человек водил острым лезвием по воде и о чём-то пел, правда, я не могла расслышать слов из-за шума воды. Тогда я подошла к нему и спросила: «О чем ты поёшь?» А он мне ответил: «О печали, мне грустно, и я пою о том, как много печали». «А зачем тебе меч?», – спросила я, и он сказал мне, что готовится к сражению, что вскоре придет гроза. Когда он это произнёс, на небе появились чёрные тучи и ворон. Потом я проснулась.

– Ворон только что прилетал к нам, Айлен, но он больше не вернётся. – Нагуэль легонько похлопал внучку по плечу и выбрался из кресла. – А что ты хотела спросить у меня?

– Кто он, тот человек, что снится мне, бабушка? Расскажи, кто он такой?

Глава 10

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Лос-Анджелес. Центральный Офис Федерального Бюро Расследований

Женщина одновременно яблоко и змея. (Генрих Гейне)

За широким лакированным столом из красного дерева сидел худощавый, но мускулистый мужчина лет пятидесяти. Дорогой элегантный белый костюм, чёрная рубашка и белый галстук. Ногу закинул на ногу, в прозрачной пепельнице дымила ароматная сигара.

Приятный терпкий дым струйкой поднимался вверх, неспешно тая. Лицо мужчины выражало нерушимое спокойствие. Не напряжён ни один мускул. Подобные люди встречаются редко. Живой и энергичный блеск в глазах контрастировал с неподвижностью мраморного лица, придавая ещё большей выразительности.

Он неспешно взял пальцами сигару, медленно поднёс ко рту. Мужчина сделал продолжительную затяжку и блаженно зажмурился, словно тигр на солнце. Когда выдохнул дым, перед ним, опёршись на стол руками, уже стояла очаровательная молодая особа. Она внимательно всматривалась в его

бездонные тёмные глаза. Мужчина подал знак рукой, изящные женские пальцы принялись расстегивать пуговицы блузки. Затем руки заскользили вниз по телу, касаясь очаровательной груди, подтянутого живота и замерли на линии соблазнительных бедер. Аккуратным движением девушка расстегнула молнию мини-юбки, оставшись в одном бикини.

Сохраняя невозмутимый вид, мужчина продолжал раскуривать сигару. Проницательные глаза внимательно, с интересом следили за происходящим. Ему нравились гибкость и стройность девушки, кружевное нижнее белье и роскошные светлые волосы. Пепел сигары небрежно упал на дорогой персидский ковер, мужчина жестом велел продолжать.

Повинуясь его воле, красавица развернулась спиной к смотрящему и с артистичной робостью расстегнула бюстгальтер. Рука кокетливо прикрыла упругую грудь, девушка развернулась лицом обратно к столу. Пальцы ухватились за крышку обеими руками, женщина выгнулась, легко и грациозно, подобно кошке. Красавица на мгновение замерла в этой позе, дала насладиться мужчине приятным зрелищем и лишь потом встала на четвереньки, и, соблазнительно покачивая бедрами, направилась к нему.

Лица мужчины в белом коснулась тень улыбки. Непродолжительная затыжка, и сигара отложена в сторону. Так и не проронив ни слова, он легко, словно былинку, подхватил девушку. Изящные руки обвили вокруг мужской шеи, а ноги вокруг пояса. Крепкие ладони мужчины ухватились за жен-

ские бедра, привлекли к себе.

Секс был страстным и долгим. Она лежала на кожаном диване, нагая и прекрасная, широко распахнув синие глаза от удовольствия. Ей не хотелось, чтобы оно прекращалось, но постепенно чувство рассеивалось, на смену приходила обычная реальность. Мужчина стоял перед ней, уже одетый и, как и прежде, спокойный, словно римская статуя. Его атлетическая фигура состояла из одних лишь мускулов, костей и сухожилий. Завязывая на груди белый галстук, он проронил:

– Одевайся, Луиза, надо нанести кое-кому визит. Это срочно.

Девушка неохотно кивнула, потянулась, словно кошка. Ей вовсе не хотелось никуда идти, и скрывать своих чувств она не собиралась.

Оделась быстро, мужчина в белом легко обхватил её за талию, лёгкий кивок указал в сторону коридора. Время близилось к ночи, в здании центрального офиса ФБР остались только дежурные охранники и несколько проверенных лиц. В их число входили также специальные агенты Вацовски и Сэндерс. Сейчас «верные псы» ожидали в кабинете наверху.

– Месье де Анжу, – тихо и угодливо окликнула девушка мужчину в белом, – можно я задам вам вопрос?

– Да, – голос звучал невероятно спокойно, взгляд сосредоточился в пространстве, – называйте меня Генрихом.

– Как скажете, месье де Анжу, то есть Генрих, – быстро поправила себя девушка. Впервые за многие годы аферист-

ка не знала, чего ожидать от мужчины. Намерения, скрытые под каменной маской невозмутимости, оставались для неё тайной.

– Задавайте вопрос, Луиза, времени на разговоры у нас почти нет. – Мужчина в белом остановился, достал из внутреннего кармана костюма тубу с сигарой. Тихо щёлкнула алюминиевая пробка, темно-коричневая сигара выскользнула наружу. Де Анжу аккуратно обрезал заостренный конец позолоченной карманной гильотиной, принялся неторопливо и со вкусом раскуривать. Струйка дыма ударила Луизе прямо в лицо. Блондинка закашлялась.

– Простите, Генрих, я, кажется, отвлеклась, – виновато сказала девушка, наконец-то решилась задать вопрос, – могу ли я сегодня получить деньги?

Страх сдавил сердце. Луиза очень боялась властного и всегда спокойного мужчины. Тяжело было предугадать по поведению, мимике, жестам, что он предпримет в следующий момент. Разбираться в людях Луиза умела с самого детства, наблюдательная и чуткая, она легко понимала любого. Потому Генрих пугал ещё сильнее.

– У нас же с вами уговор, мисс. – Месье де Анжу выпустил ещё одну струйку дыма. Холодный взгляд впился в Луизу, подобно игле. – А он, вы сами знаете, дороже денег.

– Конечно, конечно, да, Генрих, – пролепетала Луиза. Глаза испугано забегали по сторонам. Отчаянно хотелось спрятаться, забиться в самую глубокую нору, лишь бы подальше

от пронзающего душу взгляда. Луиза отчетливо чувствовала, как взгляд проникает внутрь, что-то внутри смещает или передвигает. Страх стал лишь сильнее.

– Вам нечего бояться, моя дорогая. – Продолжая на ходу курить, месье де Анжу любовался грациозностью её походки. Луиза послушно кивнула и направилась вслед за ним по лестнице.

Ступени были высокими и неудобными для туфель на высокой шпильке. Луиза чудом умудрялась не подвернуть себе ноги. Генрих же, напротив, легко скользил по лестнице в удобных, на невысоком каблуке чёрных лакированных туфлях. Он даже не смотрел под ноги, продолжал дымить сигарой, и то ли из вежливости, то ли попросту не придавая этому значения, придерживал Луизу за талию.

Девушке вновь стало страшно, предательский холодок беззвучной молнией ударил в грудь. Она боялась упасть, но сильнее переживала насчёт денег и таинственного Генриха де Анжу, то такого ласкового с ней, а то, наоборот, строгого и непреклонного.

Воздух в коридоре становился сырым и прохладным, по коже девушки забегали мурашки. Луиза недовольно скривила милое личико. Тусклый свет струился из небольших настенных ламп, темнота окутывала пространство, оттого дверь, находящаяся в конце коридора, казалась зловещей. Луиза потянулась вперед и замерла. Из щелей двери повеяло холодом, девушка вздрогнула, торопливо отдернула руку.

Красивые голубые глаза распахнулись в испуге.

Лицо Генриха де Анжу сейчас не выражало ничего, кроме жестокости, горящей в глазах темным огнем. Мышцы лица, казалось, были парализованы, так недвижима была мимика их обладателя. Но во взгляде читалось всё.

Генрих чувствовал исходящую из глубины подвала ярость. Она нарастала и нарастала, подобно волне, накатывающей на берег. Это вовсе не входило в планы.

«Узник должен бояться».

Холод, боль и беспомощность, как он рассчитывал, сломят волю пленника. «Где-то случился прокол, – предположил де Анжу, – но ничего, сейчас внесу коррективы».

Со скрежетом дверь открылась, в нос Луизе ударил неприятный запах плесени и сырости.

В помещение царили сумрак и тишина, и лишь где-то там, в темноте, слышались тяжелое дыхание и редкие шорохи. Луиза до сих пор не могла понять, что замыслил де Анжу, и оттого становилось всё страшнее и страшнее. Сырой тёмный подвал пугал гораздо меньше, чем странное чувство неизвестности. В поисках поддержки Луиза обратила взгляд на Генриха. Де Анжу кивнул ей: двигайся вперед. Осторожно ступая по ребристому металлическому полу, девушка направилась дальше, вглубь помещения, туда, куда жестом указал де Анжу.

«Что же он задумал, ЧТО!?! – терзалась вопросом Луиза. – В темноте вполне может оказаться яма или острые ко-

лья. Генрих способен затеять подобную игру лишь для забавы».

Воображение истязало, рисовало картины, одна страшнее другой. Девушка дрожала всем телом, каждый шаг мог оказаться последним. Отчаянно хотелось жить. Луиза решила развернуться и побежать к выходу, как вдруг услышала ужасный смех. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, мир перед глазами пошатнулся. Блондинка рухнула на пол без сознания...

Джо слышал, как со скрежетом открылась дверь подвала. Решимость отомстить крепла с каждым мгновением. «Она здесь, я чувствую запах её духов, её страх, – отметил Джо, – не знаю, как, но я чувствую. И злобу. Но она принадлежит иной персоне, властному мужчине».

Профессора удивляла легкость обретённого восприятия, прежде чужие ощущения и мысли оставались загадкой. Сейчас же мир предстал в ином цвете. Да, Джо не видел глазами, мешала плотная повязка, но проснулось другое зрение, более совершенное, способное зреть внутрь. Внутрь себя и внутрь всего остального, всего окружающего мира.

Боль сводила с ума. Руки сдавливала сталь наручников, конечности затекли и казались парой тяжелых протезов, совершенно чуждых телу. Ноги, напротив, хлестала жгучая боль, как, впрочем, и рану на затылке.

Луиза направлялась к нему, стук каблучков по металличе-

скому полу становился ближе и ближе, страх всё сильнее.

Глухой удар о стальной пол. Всего в нескольких футах от ног профессора упала белокурая женская головка. Стало тихо, Джо слышал, как учащённо колотится сердце Луизы. Такой знакомый звук. Сразу вспомнились чудный отдых в горах ...

Гнев вспыхнул с новой силой. Предательство, ложь, фальшь.

«Почему не догадался?»

Изменения в сознании происходили мгновенно. Прошлое сторало, пламя ярости поглощало его без сожаления.

Борьба внутри Джо прекратилась, обрелась ясность. «Нельзя раскисать, ты должен быть здесь и сейчас, здесь и сейчас, – мысленно говорил профессор, – должен быть сильным. Она предала тебя, а ты всё тешишься прошлым. Что было, то было, и того не вернуть... А сейчас ты связан, тебе больно, и ты предан!».

Внутренний голос звучал твердо и уверенно, как никогда прежде, страх исчез, осталось лишь ожидание. Джо ждал, что случится дальше, хотел как можно скорее взглянуть в лицо похитителю, что стоял у двери и со спокойным видом курил сигару.

– Иди же сюда, я хочу увидеть тебя, недоносок! – выкрикнул гневно Джо. – Подойди ближе и сними эту чёртову повязку!

– Зачем же так сердиться, мистер Рид, – спокойно ответил

властный голос, – нехорошо грубить старому знакомому.

– Я не знаю тебя, ублюдок! Но, поверь мне, ты ответишь за всё!

– Вы совсем не в том положении, чтобы угрожать кому-либо, мистер Рид. Или мне называть вас, как и прежде, по-дружески, Джо? – Генрих подошел ближе, присел на корточки возле распростертого на земле профессора. Струя сигарного дыма ударила Джо в лицо.

Запах показался знакомым, и профессор решил, что, возможно, прежде действительно встречал незнакомца. Хрипловатый голос и бесстрастный тон вызывали странное чувство «дежа вю». Несмотря на напряжённый поиск, память не отзывалась. Лишь пустота.

– Вы зря стараетесь, мой друг, – прервал размышления де Анжу, – ваши попытки напрасны. И старик не поможет вам больше. Остались только мы двое, вы и я.

– А Луиза? – спросил Джо. Уперся руками в пол, попытался подняться.

– О, она ничто. Грязь. Ничтожная пешка. Но мы неплохо развлеклись с ней. Как, впрочем, и вы, мой друг. Это был мой дружеский подарок вам.

Волна гнева вновь захлестнула Джо, будь она способна вырваться наружу – в миг бы испепелила надменно ухмыляющегося Генриха вместе с сигарой. Остался бы лишь пепел, подобный тому, что Генрих струшивал на голову профессору.

– За что ты ненавидишь меня, ублюдок!?! – выкрикнул Джо. Забился в ярости, словно раненый зверь. – Развяжи меня, и я удушю тебя голыми руками!

– О, мой друг. Я вовсе не ненавижу вас. Совсем наоборот, можно сказать, я один из тех немногих, кто понимает вас, кто чувствует, как вы. Именно поэтому вы и нужны мне, Джо, – во взгляде Генриха заблестела сталь. – Я сделаю вам одно небольшое предложение, мой друг. А вы подумаете и скажете свое решение. Уверен – вы не сможете отказаться. Вы сейчас мало можете, но это будет вам по силам, не так ли?

– Да пошел ты! – не унимался профессор Рид. – Засунь себе свое предложение... – Договорить он не успел: сильный удар ногой по лицу отбросил Джо на несколько футов назад. Губы превратились в кровавое месиво, изо рта на пол потекла густая кровь.

– Не грубите, соблюдайте приличия, мой друг, – голос звучал, как и прежде, спокойно, властно. Любой другой на месте профессора мог легко обмануться, но Джо чётко ощущал исходящую от незнакомца чёрную и холодную ненависть. Сплюнув кровью на пол, он ответил:

– Нехорошо бить друзей по лицу, мистер ублюдок, вас этому не учили? – Джо рассмеялся. Профессор понял: незнакомец чего-то отчаянно хочет, хоть и пытается скрывать чувства. – Что у тебя на уме? Говори!

– Я хочу, чтобы вы, мистер Рид, отдали мне кое-что, о чем забыли. – Невидимая рука потянулась в сторону Джо,

стиснула горло, затем устремилась к груди. Мерзкое касание леденило душу, Генрих старался прорваться куда-то внутрь.

Сердце профессора затихало, дыхание прекратилось. Пришло понимание: это смерть. Конец. Что мог ещё сделать связанный и избитый человек против такой злобы и мощи?

И вот, когда сопротивление было сломлено, внутри Джо вспыхнуло затаившееся пламя. Тот самый праведный гнев. Взорвался, подобно противопехотной мине, на которую беспечно наступает пешеход. Как выпрыгивающий из засады лев, ярость выплеснулась наружу. Словно вода, бегущая по трубе, ревя и клопоча, устремилась по незримой руке, терзающей Джо. Пламя пожирало невидимую конечность, подбираясь всё ближе к де Анжу.

Профессор ударил изо всех сил. Генриха отбросило назад, он пошатнулся. Крепкие руки едва успели схватиться за стену. Только это уберегло от падения наземь. Сигара изо рта выпала на пол, угасла. Месье де Анжу застыл в растерянности.

– Ну что, получил, что хотел, а, ублюдок? – тихо прошептал Джо. Сознание покидало измученное тело, ярость отняла последние силы, без остатка.

– Будешь знать, кто такой Джо Рид.

Последние слова сказаны, профессор устало закрыл глаза, провалился во тьму. На разбитом, окровавленном лице застыло некое подобие улыбки. Джо был невероятно доволен собой. Он начал вспоминать.

Глава 11

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Лаборатория реактивного движения в Пасадене

*Любовь – это сплошные ловушки и капканы.
Когда она хочет дать знать о себе, то показывает
лишь свой свет, а порождённые им тени – скрывает
и прячет. (Паоло Коэльо)*

Чувство тревоги который час не давало Лили спокойствия. Профессор с самого утра ходил сам не свой, а визит федералов вообще выбил из колеи. Воодушевляло одно – напряженный рабочий день подошел к концу.

Лили жутко устала ещё и по той причине, что пришлось доделывать отчет по проекту без помощи Макдауэлла, на которого она, несомненно, рассчитывала. Именно в обязанности старика входило закончить и подать отчет профессору Риду. Но старина Мак подвел, у бедняги случилось серьёзное расстройство желудка. Весь рабочий день Макдауэлл провел, носясь по коридору из кабинета в уборную. Происшедшее могло показаться смешным, если не учитывать, что на старческие плечи возложили очень важную работу. В итоге Лили доделывала отчёт сама. Кроме Роберта Макдау-

элла, за исключением, конечно, профессора Рида, никто не располагал нужным навыками и сведениями.

Да, Лили уложились в срок, но мертвецки устала. Девушке не терпелось поскорей оказаться дома. Накинуть на плечи махровый халатик, надеть теплые тапочки и забраться на диван с чашкой кофе.

Тяжёлая папка с находящимся внутри отчетом по проекту «Кассини» легла на гладкую поверхность стола. Лили на секундочку задержалась в кабинете профессора лишь для того, чтобы посмотреть на себя в зеркале. Собственный вид девушку не порадовал. Да, она выглядела, вне всякого сомнения, изумительно благодаря изяществу строения лицевых мышц и скелета, но тяжелый день наложил на прекрасное лицо свой мрачный отпечаток. Тяжело вздохнув, Лили закрыла кабинет и направилась к выходу.

Тонкие иглы беспокойства вонзились в сердце ещё сильнее. До тех пор пока работа над отчетом отнимала всё внимание, волнение попросту не замечалось, в силу большой занятости. Теперь же, когда заняться нечем, кроме как шагать вниз по ступеням, тревожные струны обнажились и вздрогнули.

«Может, стоит позвонить профессору? – подумала Лили. На мгновение, заколебалась. – Так и сделаю, когда сяду в машину. Заодно обрадую – отчет готов. Может, хоть это немного ободрит несчастного Джо».

На улице начинало темнеть, осенние дни становились всё

короче, солнце пряталось за горизонт гораздо быстрее, чем прежде. На потемневшем фоне вечернего неба хорошо различался бледный лунный диск. Лили на секунду задержалась перед автомобилем, взгляд поймал алые росчерки закатных лучей. Они напомнили о профессоре, тот часто любовался закатами.

«Неисправимый романтик этот Джо Рид, – подумала Лили, – красивый и замечательный мужчина. И зачем он только связался с этой сучкой Луизой?»

С первых дней знакомства профессор и Лили прониклись друг к другу глубокой симпатией, очень скоро преобразовавшейся в крепкую дружбу. Однако девушка испытывала более нежные чувства по отношению к Джо, чем просто приятельские. Профессор Рид оказался ей небезразличен. Лили ещё с колледжа нравились такого плана мужчины: умные, талантливые, чувствительные, но при этом, конечно, и недурные собой. Джо соответствовал всем критериям.

«Кроме того, он такой милый, хоть временами и совершенно непонятный», – подумала Лили, садясь за руль вишневой «Ауди». Изящная кисть скрылась в чёрной лакированной кожаной сумочке. Вскоре показалась обратно, держа небольшой мобильный телефон. Волнение накатило вновь, Лили принялась торопливо набирать номер Джо.

Ответа не последовало. Лили позвонила на домашний – длинные гудки. Джо Рид не отвечал, волнение женщины продолжало нарастать.

С одной стороны – накопившаяся за день усталость, а с другой – тревога отчаянно боролись друг с другом. Да, Джо ей нравился и, может, даже более того, но Лили никоим образом не иллюстрировала своих чувств, не собиралась делать этого и теперь. Всегда считала, что заниматься подобным – ниже женского достоинства. Совсем другое дело – Джо. Что ему стоит уделить ей немного внимания... Но постоянно погружённый с головой то в работу, то в личные проблемы, профессор никогда не замечал нежного взгляда её глаз. А на большее Лили пока не решалась.

«Да и что решаться, – возмутилась девушка, красивые пальцы сжали мобильник, – если только и слышно: Луиза – то, Луиза – сё. Придушила бы гадину».

Тем временем на улице стало совсем темно. Лили понимала – нужно принять решение, склониться на одну из возможных сторон. Она позвонила на мобильный профессора больше десяти раз, чем, несомненно, давно переступила границы дружеской заботы. Тревожное чувство прочно засело в груди, как осколок снаряда. В конце концов, Лили просто выбилась из сил.

Будучи от природы натурой весьма энергичной и жизне-радостной, Лили превозмогла усталость, на лице засияла довольная улыбка. Обрадовалась приливу храбрости. Фары машины вспыхнули в полумраке, мотор загудел. Девушка выехала на дорогу и направилась в Лос-Анджелес, несмотря на то, что её дом находился всего в нескольких милях к югу, в

Пасадене.

Движение на улицах Лос-Анджелеса в вечерний час стало оживлённым и бурным. Как только дело близилось к окончанию рабочего времени, количество авто на дорогах всегда возрастало до такой степени, что местами приходилось тащиться, подобно улитке. Чтобы не скучать, Лили включила магнитолау. Приятные ритмичные звуки отвлекали от тревоги.

«Он так неважно выглядел сегодня, будто с креста снятый. А ещё эти два тупоголовых федеральных параноика. Ну, какое им дело до моего Джо...». – Лили поймала себя на мысли, что назвала профессора «своим Джо». С одной стороны испугалась, с другой, наоборот, захотелось рассмеяться от радости. Но одно Лили знала точно: хорошо, что профессор её не слышит.

Полтора часа понадобилось Лили для того, чтобы добраться до дома на набережной. Элегантная «Ауди» въехала на Шелл-стрит, девушка сразу заприметила припаркованный возле клумбы белый «Форд», принадлежавший профессору.

«Ой, он, наверное, дома, а я тут трясусь как дура».

Лили почувствовала себя ужасно неловко оттого, что попала в столь нелепую ситуацию. Смуглое лицо залил румянец.

«Надо быстро уезжать, пока он меня не заметил».

Лили собралась тут же развернуть машину и отправиться

домой, но остановилась. Взгляд упал на входную дверь дома.

«Открыта?»

Лили заметила, что все окна в доме – темны, свет не горел ни в одной из комнат. «Джо либо спит, либо с ним случилось что-то плохое».

Женское сердце чуюло беду, Лили заглушила мотор и вышла из авто.

На улице было совсем темно, и если бы не яркий свет фонарей, то женщине так и не удалось бы разглядеть тёмный след покрышек, тянущийся от двора Джо в сторону дороги. Следы колес, широкие и свежие, говорили сами за себя. «Возможно, это джип или какой-нибудь фургон, – решила Лили. – Но что он делал здесь? И почему в доме никого нет, распахнута входная дверь? Что-то здесь неладно». Женщина ещё раз прошла вдоль окон дома, заглянула на террасу – никого. Поначалу думала развернуться и уйти, спрятаться от стыда.

«Нет, раз уж пришла, то дойду до конца».

Лили резко выдохнула, набралась смелости, ноги сами понесли к парадному входу. На ходу запахнула коротенькую модную куртку, играть которой принялся морской ветер, промозглый и сырой.

Решительность таяла, порог казался непреодолимым барьером, Лили замерла в растерянности, не зная, как поступить. С одной стороны, волновалась за судьбу Джо, с другой – боялась показывать чувства, а с третьей – так и вообще

следовало вызвать полицию.

«Вдруг там, в доме, кто-то есть...».

В голове всё смешалось, и Лили не придумала ничего лучшего, чем просто позвать:

– Джо! Джо Рид, вы там?!

В ответ – тишина, лишь легкий скрип дверных петель.

«Ну, всё, была – не была, иду внутрь». – Приободрилась и решительно потянула на себя ручку двери...

В холле никого не оказалось. Лили зажгла свет, и стало не так страшно, но ноющее чувство осталось.

– Джо, вы дома? – ещё раз окликнула коллегу. И вновь никто не ответил.

На журнальном столике возле двери Лили увидела фотографию в красивой рамке. На ней – Джо и Луиза стоят на фоне заснеженных горных пиков. На лице профессора сияет счастливая улыбка, блондинка игриво обнимает его за талию.

– Белобрысая стерва, – прошипела Лили, показав фотографии средний палец, – как он страдает теперь из-за тебя, а ты и волоса на его голове не стоишь, дура уродливая. И чего мужчины так ведутся на этих блондинок?

Отвернувшись от фотографии, Лили принялась гневно потирать ладони, карие глаза горели задорным огнем:

– Так и чешутся руки, глядя на твою крокодилью морду. Задать бы тебе трепку, – всё не унималась девушка. Тревога становилась сильнее, достала телефон из сумочки, ещё раз

набрала Джо. Ответа не последовало.

«О боже, что это?!»

Лили заметила небольшое пятно крови на полу возле кухни. Стало страшно. Сначала за профессора. А вслед за тем – за себя. До ушей донесся негромкий скрип ступеней за спиной.

Испуг сдавил грудь, по спине пробежал холодок. Лили непроизвольно вскрикнула:

– Ой! – но, обернувшись, заметила – лестница пуста.

«Наверное, всего лишь скрип досок».

Лили облегченно вздохнула, присела в кресло. Внимательный взгляд рассматривал комнату, предмет за предметом. Девушка разволновалась настолько, что ей казалось: ваза на столе и стоящий рядом торшер готовы напасть в любую секунду.

«Ждут выгодного момента, когда отвернусь в сторону, потеряю бдительность... Паранойя? – Лили призадумалась – Кажется, у меня стресс и я начинаю бредить. Нужно принять успокоительное».

Мысль показалась Лили разумной. Прогнав прочь тревогу, принялась выискивать в сумочке блистер с таблетками. Задача не из простых. Искать приходилось среди множества полезных мелочей, которых у любой уважающей себя женщины – целая уйма. И, несмотря на то что, сумочка выглядела небольшой, всё необходимое с легкостью помещалось внутрь. Спустя несколько минут Лили нашла то, что искала.

Красивые длинные пальцы радостно схватили упаковку. Та пряталась между пудреницей и блеском для губ.

Сначала Лили пыталась проглотить таблетки целиком – не удалось, боялась подавиться. Решила сходить на кухню за стаканом воды. Свет на кухне не горел, беспокойство вернулось, вновь стало страшно.

Лили приходилось прежде бывать у Джо в гостях. Нечасто, всего несколько раз. Но зато теперь она с легкостью ориентировалась в доме, найти стакан на столике, а затем и минеральную воду в холодильнике не составило труда.

Таблетки оказались совершенно неприятными на вкус. Хотелось выплюнуть их обратно. Лили торопливо открыла бутылку и залпом выпила стакан воды, не заметив, как чья-то тень быстро проскользнула за спиной, в гостиную.

Девушка поймала себя на том, что не перестает думать о Джо. Сейчас, когда находилась в его доме, профессор ощущался более близким и нужным.

«Как бы мне хотелось быть на той фотографии вместо мерзкой белобрысой сучки». – Дурманящие чувства нахлынули на женщину с невероятной силой. Глаза мечтательно прикрылись. На миг Лили представила, как Джо ласкает губами её длинную смуглую шею, нежно касается темных кудрявых локонов...

«Глупая женщина, – упрекнула себя Лили, прервав сладкие грезы, – размечталась, дура. Многого ты за пять лет добилась? Ходите вместе обедать и пару раз провели уик-энд

на пляже. – Женщина нахмурила красивое лицо. – Он за всё время даже не поцеловал тебя ни разу, всегда руку жмет, болван. Ну, как можно быть таким невнимательным?

Тревожное чувство усилилось, сжало сердце, но Лили так увлеклась размышлением о личной жизни, что не придавала этому значения.

«Надо припудрить носик и обновить макияж. Выгляжу как швабра. А если меня Джо увидит?», – подумала Лили, рука проворно схватила сумочку с кресла, взгляд устремился в другой конец дома, туда, где находилась уборная.

Любой ценитель женской красоты счел бы Лили прекрасной. Несмотря на то, что ей почти тридцать, на смуглой коже лица не имелось ни единой морщинки. Большие карие глаза выглядели необычайно выразительно, изящно обрамляясь длинными ресницами. Волосы, густые и чёрные, ниспадали вьющимися локонами до самых плеч. Тонкая талия и стройные длинные ножки никого не оставляли равнодушным, даже старика Мака.

Отец Лили – ливанец, от него она унаследовала знойную красоту арабского края, придавшую её гибкой и стройной фигуре ещё большей обаятельности.

С момента их с Джо знакомства прошло пять лет. За это время Лили не встретила никого более достойного.

Все прежние отношения Лили с мужчинами заканчивались, не успев начаться. Обычно происходило так: они интересовались её красотой, откровенно говоря, их заботил толь-

ко секс, в то время как Лили думала исключительно о профессоре Риде. В итоге, после нескольких месяцев взаимного непонимания отношения прекращались. Так повторялось несколько раз, а затем Лили устала от подобных игр. Твердо решила не идти на поводу у собственной страсти и посвятить себя любви к Джо. Но, так как профессор вовсе не спешил отвечать взаимностью, всё вышло не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Во-первых, Лили привыкла к мужскому вниманию. Остальные мужчины проявляли к ней интерес, Джо – нет.

«Хорошо ещё, что удалось подружиться».

А во-вторых, год назад профессор снюхался с этой стервой Луизой. И без того сложная ситуация усложнилась во сто крат...

«Почему она? Разве я хуже? Мочалка белобрысая...»

Поправленный макияж немного поднял Лили настроение. В груди по-прежнему неприятно шевелилось волнение. Джо так и не появился. Но, несмотря на всё, Лили твердо для себя решила: «Как только он здесь появится, я всё ему выложу как есть. И пускай думает. Я устала так жить, сколько можно мучить себя, изо дня в день».

Приводя внешность в порядок, она отвлеклась. Тяжкие размышления рассредоточили внимание. Лили не слышала, как кто-то тихо прокрался через гостиную. Тень беззвучно скользнула по лестнице, ведущей на второй этаж. Тёмная широкоплечая фигура уверенно шагала по мягкому ковру.

Ступеньки издали предательский скрип, но Лили ничего не услышала. Шум воды в уборной впитал все звуки.

Незнакомец тихо проник в спальню. Сильные руки отодвинули тяжелый книжный шкаф в сторону.

Выходя из уборной, Лили услышала подозрительный шорох, донёсшийся со второго этажа.

«Показалось?»

Вскоре звук повторился опять. Стало страшно. Что-то внутри подсказывало: «Развернуться и бежать прочь. Спасайся, пока не поздно», – но недавно принятое решение изменить жизнь придало Лили совершенно неуместной смелости. Она не убежала. Приглушила внутренний голос и зашагала вверх по лестнице. Давление в груди стало невыносимым.

«Быстро, слишком быстро...»

Лили не успела понять, что случилось. Как только поднялась наверх – из-за двери выскочил некто, одетый во всё чёрное, с пистолетом в руках. Ничего не сказал. Лица Лили не увидела. Прогредел выстрел.

Боль обожгла грудь. Ещё один выстрел. Алые брызги на стене. Запах пороха и крови ударил в нос. Лили упала вниз по лестнице. Острые углы ступенек ранили красивое тело. Страх смешался с болью и разочарованием.

Перед взглядом девушки застыл образ Джо. Знакомые ладони обхватили за талию, сжали в объятьях, как на той фотографии, только сейчас вместо Луизы была она сама.

«Прощай Джо, прощай, милый...»

Невыносимая боль истаяла, стало очень легко. Лили хотелось плакать, но слез не было, а потом издали пришел отец и взял её за руку.

Глава 12

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Сан-Педро. Окружная тюрьма «Терминал Айленд»

Менее всего просты люди, желающие казаться простыми. Умышленная простота есть самая большая и неприятная искусственность. (Л. Н. Толстой)

Мёртвая тишина. Бритва залег на койку, руки по привычке заложил за голову, взгляд ощупывал плакат. Обнаженная девушка, хотя и находилась на бумаге – «Не настоящая», – вызывала вполне реальные эмоции.

«Хороша, бикса».

Рино захотелось женского тепла, сжать ладонями большие упругие груди, ухватится за округлую попку. «Десять лет без бабы. Много? А если мотать ещё двадцать, что тогда?». Рино гнал прочь подобные мысли, они мешали сосредоточиться на главном. На побеге.

Готов. Рино окончательно решил, что сбежит сегодня. В Вегасе многие знали, если Бритва взялся за дело, остановить его может лишь одно – смерть. А умирать Рино не собирался. Лишь идиот мог десять лет ждать момента, чтоб подохнуть.

«Хвостануться дело не хитрое».

А был ли Рино идиотом?

– Двум смертям не бывать, – рассмеялся гулким басом Сколаза, – а я вроде как давно издох. Так что если чего, будет уже вторая.

Действовать следовало быстро, чётко и последовательно. Полагаться во всем только на себя и лишь в одном – на случайного человека. Рино, как и прежде, нуждался в жертве.

«Из воздуха лох не появится. Надо по-шустрому найти».

Вариантов имелось несколько, но всё сводились к одному: раб обстоятельств. Заложник совести или страха. Кто ещё согласится помогать уголовнику в побеге?

Так как выйти из камеры Рино не мог (так уж устроены тюрьмы и здесь мало что можно сделать), должны прийти к нему.

Ещё раз, напоследок, взвесив все «за» и «против», Бритва начал действовать. Взгляд полон суровой решительности, на лице застыла злобная ухмылка. Со всего размаху ладонью правой руки Рино ткнул в стену камеры. Раздался противный хруст ломающихся костей, пальцы неестественно вывернулись в сторону.

– Лейтенант! – заорал Бритва. – Позовите доктора, кажется, я сломал себе руку!

Спустя минуту окошко камеры открылось. В нем появилась физиономия Шолли, недовольный взгляд пробежался по камере:

– Что ты там орешь, Сколаза?

– Я сломал руку, лейтенант, и мне нужна медицинская помощь.

– Что, чёрт бы тебя побрал, за дерьмо ты вытворил, а? – Ноздри Шолли гневно раздулись, глаза забегали.

– Хотел поотжиматься на пальцах, лейтенант, да меня схватила судорога, и я грохнулся на руку. Болит зараза, позовите дока. – Рино показал изуродованную кисть.

– Ну и дерьмо же у тебя с рукой, Сколаза, – Шолли отвернулся в сторону, брезгливо сплюнул на пол, – надавать бы тебе по печени за такие выходки. Вернер! Заключённый получил травму руки, сходи за доктором Банни, – окликнул лейтенант охранника, сидящего за пультом. – Можешь несильно торопиться, как говорил философ или церковник: «Боль очищает». Вот пусть нашего Сколазу почистит немного.

– Вы так добры ко мне, лейтенант. Прямо слёзы на глаза наворачиваются, точно мама родная заботитесь, – ухмыльнулся Рино, уселся на койку. – Вы когда-нибудь читали «Тома Сойера», лейтенант? – Взгляд упал на лежащую возле стены книгу.

– Нет, Сколаза, я, в отличие от тебя, в школе изучал законы этой страны, а не читал всякую беллетристику. – Шолли гневно сверкнул глазами. – Но тебе тоже пришлось познакомиться с ними, правда, так сказать, на собственной шкуре.

– Да вы не обижайтесь, лейтенант, я ведь так просто спросил, – вежливо извинился Рино, пряча ехидную улыбку, –

мне вот понравилась книга, я и думаю, спрошу лейтенанта, может, и он читал.

– Нет, Сколаза, я не читал. Но эта книжка не сильно-то поможет тебе, – лейтенант зашелся смехом, – лучше читай Библию.

Тем временем вернулся Вернер, но не сам, а вместе с доктором Банни. Лет тридцати на вид, невероятно фигуристая, хотя невысокого роста. Рино хорошо запомнил её большие серые глаза, так гармонично сочетающиеся с невероятно бледной кожей и светлыми пшеничными волосами. Из одежды на докторе: чёрный брючный костюм, подчёркивающий в нужных местах прелести фигуры, и блестящие чёрные туфли на высоком каблуке.

– Что у вас стряслось? – спросила она нежным голосом, взгляд внимательных глаз остановился на лейтенанте.

– Этот болван Сколаза сломал себе руку. Пальцы, вернее. – Шолли тайком рассматривал пышную грудь женщины, пока та отвернулась, а затем обратился уже к заключённому: – Рино, отойди к стене и заведи руки за голову, мы отведем тебя в госпиталь, так что давай без глупостей.

– Что вы, лейтенант. Какие могут быть глупости, – ответил заключённый, громадное тело послушно встало у стены.

Шолли подал сигнал Вернеру, и тот открыл двери камеры. Рука лейтенанта покоилась на кобуре, вторая ладонь сжимала рукоятку алюминиевой тонфы. Шолли зашел внутрь.

– Гигс, в браслеты его, – приказал лейтенант. Охранник

повесил дробовик на плечо, руки ловко выудили наручники из-за пояса. Подошел к Рино, собрался защелкнуть браслет на запястье, но не успел. Рукав формы зацепился за преграду.

«Что за...».

Гигс обернулся, рот раскрылся от удивления. За рукав держала доктор, красивые женские глаза смотрели с укором.

– Что же вы делаете? – возмутилась Кристин. – Как можно! Ведь у него сломаны пальцы.

Охранник бросил косой взгляд на лейтенанта, тот с явной неохотой, но кивнул, и лишь тогда наручники отправились обратно за пояс.

– Спасибо за заботу, доктор Банни. Болит ужасно. Но в браслетах мне было бы хуже, – поблагодарил Бритва.

– Конечно, болит, у вас ведь открытый перелом второй фаланги указательного пальца и ещё парочка закрытых, как я вижу, – подтвердила доктор, оглядывая торчащую наружу кость. – Расслабьтесь, я сделаю вам укол обезболивающего, а затем мы пойдем в госпиталь, где подлечим вашу руку.

– Одно лишнее движение, Сколаза, – со всей серьезностью заявил Шолли, – и Гигс нашинкует тебе дробью так, что медицинская помощь тебе не понадобится. Ты меня понял?

– Как не понять, лейтенант, – ответил Рино, – забирайте уже.

– Лейтенант Шолли, нельзя ли повежливей с заключённым? – продолжала возмущаться доктор Банни, не желаю-

щая мириться с грубостью охранников.

Сделала инъекцию в руку заключённого. Шолли тем временем рассматривал соблазнительную попку доктора. Кристин одарила его таким колючим взглядом, что даже упрямый лейтенант отвернулся.

– Вы бы совсем иначе говорили, зная, что натворил этот ублюдок десять лет назад. Если бы не вмешательство Федерального Бюро, наш департамент так и не взял бы его за зад. – Шолли щелкнул пальцами. – Но теперь-то засранцу никуда не деться.

Кристин отвела взгляд в сторону, покачала головой.

– Ладно, Рино, выходи, но я тебе предупредил. Никаких выходов! – рявкнул лейтенант, дуло пистолета смотрело итальянцу в спину. Заключённый покорно кивнул, и Шолли вслед за ним направился в госпиталь.

Госпиталь находился на самом нижнем этаже государственной тюрьмы и представлял собой небольшое помещение квадратной формы, разделенное перегородками на несколько ещё более малых. Здесь имелась дюжина больничных коек для госпитализации заключённых, но обычно они пустовали.

В «Терминал Айленд» редко случались травматические инциденты. Основными пациентами доктора Банни и её коллег становились разнообразные хронические больные. А из хроников – всего один инфицированный СПИДом и

несколько с венерическими заболеваниями. Травмы, конечно, тоже случались, но довольно редко. Тем не менее, все медики, работающие в окружной тюрьме, – специалисты высокого класса.

Работа в тюрьмах всегда считалась престижной и хорошо оплачивалась, кроме того, у докторов оставалось время и на частную практику. Хорошие условия труда. Желающих хватало, конкурс позволял отобрать лучших.

Как и везде в госпитале, здесь также имелись камеры слежения и датчики движения. Кроме того, тут же находились трое охранников помимо вошедших Шолли и Гигса, конвоирующих Бритву.

– Гигс, присматривай в оба за ним, пока док будет делать своё дело, – обратился к подопечному лейтенант, – мне не нужны неприятности, – он кивнул в сторону Рино, – но если что, действуй согласно уставу и инструкциям.

– Сэр, да, сэр! – рявкнул в ответ охранник и с дробовиком наперевес занял место напротив операционного стола, к которому подвела Сколазу доктор Банни.

Шолли удалился обратно на пост.

Рука Рино потяжелела, сильно опухла и посинела, из уродливой раны на указательном пальце сочилась кровь. Обезболивающее начало действовать, кисть постепенно немела, боль притуплялась. Ладонь ощущалась как нечто чужеродное, наподобие протеза.

Доктор Банни облачилась в белый халат, подготавливала

хирургические инструменты к предстоящей операции, а её ассистент анестезиолог тем временем возился с ларингеальной силиконовой маской, при помощи которой собирался проводить общий наркоз.

Ларингеальная маска часто применялась в медицинской практике, так как имела массу достоинств, включая возможность подавать кислород, а также точно регулировать анестезиологическую дозу. Кроме того, маска была невероятно проста в использовании.

– Ложитесь, пожалуйста, на стол, мистер Сколаза, – мягко попросила доктор Банни, стерильные инструменты сверкали в изящных ручках. – Алан, проведите общую анестезию пациенту.

– Да, доктор, – послушно ответил подчиненный. Маска легла на лицо итальянца. – Пациент, сделайте, пожалуйста, глубокий вдох.

Бритва закрыл глаза, втянул ртом воздух, сонливость и расслабление разлились по телу.

– Давление и пульс в норме, – мягкий голос доктора Банни доносился, словно из туннеля, – Стюарт, приготовьте гипсовые бинты.

Прошло не более десяти секунд, прежде чем Рино погрузился в сон, а красивые ручки очаровательного доктора, уже осторожно, удаляли участки повреждённой кожи.

Операция длилась недолго, чуть больше пятнадцати минут. Рентгеновский снимок показал, что у пациента повре-

ждены три пальца правой руки. Две фаланги на указательном и по одной на среднем и безымянном пальцах. Все переломы оказались со смещением, один – открытым. Доктора имели высокую квалификацию, поэтому с таким пустяковым делом проблем возникнуть попросту не могло.

Вернув переломанные кости на место, доктор зашила рану и загипсовала Рино руку. После чего ларингеальную маску сняли. Гигс и ещё двое охранников неусыпно следили за происходящим.

– Когда он придет в себя, мне нужно будет ещё раз сделать рентген, – вежливо сообщила полицейскому доктор Банни, – а затем вы сможете забрать его обратно в камеру.

– Хорошо, доктор, – кивнул Гигс, недовольно скривился. Побаивался лысого детины.

Доктор Банни приятно улыбнулась, покачивая широкими бедрами, удалилась в противоположную часть госпиталя. Неторопливо сняла перчатки, выбросила в урну, принялась мыть руки. Кристин видела в зеркало, какими взглядами её провожают охранники, и на мгновение задумалась о том, что бы сказал муж, если бы увидел это? Кристин едва сдержала смех, когда представила, как вытягивается от удивления и краснеет от ревности лицо Грэга. Так обычно происходило, когда он видел, как прохожие бросают на неё похотливые взгляды. Кристин обожала, когда Грэг ревнует.

«Этот заключённый, ведь я прежде где-то слышала о нем. И само лицо кажется знакомым, – подумала Кристин, мок-

рые ладони приятно обдувал теплый воздух из сушилки, – где мы могли видеться?».

– Алан, – окликнула доктор подчиненного, – вы никогда не встречали прежде мистера Сколазу? Может, он раньше лечился у нас?

– Нет, доктор Банни, ничего такого я не помню, – покачав головой, ответил Алан. – Сделать вам кофе?

– Да, пожалуйста, но только без сахара. Как всегда, в общем. Стюарт ушел наверх?

– Да, – кивнул Алан, – но если он вам нужен, я его позову.

– Нет, Алан. Не нужно.

Доктор Банни присела в кресло, расслабленно прикрыла глаза. Почему-то сегодняшний день казался бесконечно долгим, тягучим, словно жевательная резинка; внезапно вспомнился рекламный ролик, который недавно видела по телевидению: «Невероятно устойчивый вкус». Дети прыгали и размахивали руками, а над ними в воздухе пролетал цветной цеппелин в виде жевательной резинки «Баблз».

Алан с чашкой кофе в руке возник слишком внезапно, доктор Бани, не ожидавшая его появления, вздрогнула.

– Извините, Кристин, что напугал вас, – виновато сказал Алан, протянул чашку с напитком, – вот, возьмите, пожалуйста, ваш кофе. Мне, правда, вовсе не хотелось вас пугать, – продолжал оправдываться коллега, лицо залила краска.

– Ерунда Алан, спасибо за заботу.

Доктор Банни оправила волосы, взяла чашку в руки.

Кофейный аромат ласкал обоняние. Кристин улыбнулась. Опять вспомнился Грэг и недавний ужин у брата в замечательном доме на Манхеттен-бич. Джозеф умел готовить самый вкусный в мире эспрессо. Кристин с самого детства восторгалась умением брата прекрасно заваривать кофе.

Попутно вспомнился смешной спор. Джо в шуточной манере пытался доказать, что фамилия Банни совсем не подходит Грэгу. Слова запали в память:

«Ну, сам посуди, Кристин Банни звучит хорошо, да и сестренка всегда была сладкой зайкой, – они дружно рассмеялись, – а для мужчины не солидно совсем. Ты же не пасхальный кролик, а, Грэг? Раз уж менялись кольцами на свадьбе, то поменялись бы и фамилиями. Всё-таки Грэгори Рид звучит лучше – согласишься».

Кристин непроизвольно улыбнулась, вспомнив о брате: «Он всегда был очень добр ко мне. – Отпила кофе. – Я не звонила ему уже больше недели, надо будет набрать сегодня вечером. Может, захочет съездить со мной и Грэгом к родителям на уикенд?»

Бритва тем временем постепенно приходил в себя после анестезии. Когда стал чувствовать, что сознание возвращается, то остался лежать всё так же неподвижно, как и прежде. Не выдавал себя ни движением, ни дыханием.

Кофе закончился, Кристин бросила беглый взгляд на зеркало слева, на стене. Удостоверившись, что выглядит нормально, направилась к охраннику. Сержант глаз не сводил

с Бритвы, итальянец мирно лежал на операционном столе. Загипсованная рука, покоилась на широченной груди. Даже немелкому Гигсу стало не по себе, когда представил, с какой силой мог ударить такой детина.

– Он должен скоро прийти в себя, так что не волнуйтесь, сержант, через десять – пятнадцать минут вы сможете вернуть его обратно в камеру. – Голос Кристин, бархатный и сексуальный, всегда очень нравился мужчинам.

Гигс с трудом преодолел желание пофлиртовать с общительной докторшей.

– Хорошо, мэм, – выдавил из себя сержант. Похотливый взгляд скользнул в сторону.

Обольстительная доктор Банни, её шарм, изначально не входили в план Рино.

«Кто мог подумать, что будет настолько просто? Осталось сосчитать до десяти, и...

10...

Самое простое зачастую может оказаться основной проблемой.

9...

Побег из окружной тюрьмы – это совсем не просто.

8...

Но многое можно сделать, если верить в успех.

7...

и всё детально спланировать

6...

а затем отрепетировать до мелочей

5...

всё то, что нужно

4...

но сейчас нужно было только одно

3...

человек, красивая молодая женщина

2...

и матерый уголовник,

1...

который мирно посапывает во сне.

0...

Но вдруг...»

Бритва знал, если задержать дыхание на выдохе, то кислорода в организме будет минимум, сердцебиение начнет затихать, а затем, когда воздуха в легких не станет совсем, начнут сокращаться гортань и диафрагма. По всем симптомам это напоминает остановку дыхания, которая редко может случаться как побочный эффект общей анестезии.

– У больного, кажется, анафилактический шок! – испуганно выкрикнул вмиг побледневший Алан. Доктор схватил Рино за голову, пытался положить её набок.

– Срочно введите внутримышечно раствор адреналина и кордиамина! И, ради бога, разожмите ему зубы! – Кристин взволнованно глянула на бьющегося в судорогах пациента.

Пока Алан готовил инъекцию, попыталась раскрыть ему рот. Бритва не дышал, легкие горели, воздух – отсутствовал. Тело отчаянно билось в судорогах, но он терпел, не вдыхал. Уже по многу лет ночами в камере Рино тренировался задерживать дыхание и терпеть боль. Очаровательная доктор Банни, конечно, пыталась разжать сомкнутые челюсти, но итальянец стиснул их так, что задача оказалась ей не по силам. Вскоре на выручку коллеге подоспел Алан со шприцом в руках. Отточенным годами движением ассистент вогнал иглу в грудь пациента, поршень стремительно двинулся вниз, адреналин ворвался в кровь.

Зрачки Рино моментально расширились, став размером почти с радужку глаза. Адреналин вынудил челюсти разжаться. Не в силах контролировать рефлекс, Рино судорожно вдохнул...

Гигс вскочил на ноги, крепкие руки схватили дробовик, дуло смотрело прямоком в голову заключённого. Сержант стоял в напряжении, готовый стрелять, если вынудят обстоятельства.

– Уберите дробовик, сержант, в таком состоянии он не может создать проблем, – Кристин отвела дуло оружия в сторону, – к тому же мне не по себе, когда вы целитесь прямо в меня.

– Простите, доктор Банни, так требуют инструкции. Но если вы считаете, что он безвреден, то я отложу оружие. – Сержант Гигс забросил дробовик на плечо и достал из-за по-

яса электрошокер.

Актерское мастерство Рино Сколазы принесло плоды, доказав, что годы тренировок не потрачены впустую. Сидя в одиночной камере окружной тюрьмы строгого режима, Бритва ежедневно задерживал дыхание. Лишь благодаря такому упорству удалось усыпить бдительность докторов. Опытные специалисты, не первый год работающие с больными, разгадали бы трюк, будь у них чуть больше времени. Но времени как раз Бритва им и не оставил.

«Жертвы обстоятельств».

Доктора спинами прикрывали заключённого от сержанта с оружием. Двое других охранников находились неподалеку, в госпитале, но не в операционной. Рино продолжал убедительно изображать бьющегося в судорогах. Постепенно, вроде бы произвольно сполз на бок. Правая нога коснулась земли.

«Ещё секунда, и всё. Аве, Мария...»

Судорожно передернул плечом.

«Готов».

Бритва с необычайной прытью вскочил на правую ногу и со всего размаху вlepил здоровенным кулачищем в челюсть сержанта. Хрустнули кости, Гигс ничком повалился наземь, не издав и звука. Могучая рука моментально рванулась вниз, выхватывая электрошокер из обмякших пальцев. Всего доля секунды, и Рино ткнул им разинувшего рот Алана в шею. Ассистент дернулся, как подстреленный зверь, упал на опе-

рациональный стол.

«Готов, красавец».

Доктор Банни к тому времени лишь успела повернуться. Взгляд красивых глаз упал сначала на лежащего под столом сержанта, а затем замер на металлических электродах электрошокера. Стальные скобы потрескивали перед самым носом. Здоровенный уголовник криво улыбался, серые глаза смотрели прямо в душу. В твердом взгляде не таились ни злоба, ни безумие. Наоборот – сверкал изворотливый ум, озарённый пляшущими огоньками.

– Будете зайкой, а, доктор Банни? – тихо спросил громила и осторожно накрыл рот женщины загипсованной рукой.

Глава 13

11.10.2012. США. Штат Калифорния. Лос-Анджелес. Дом на Шелл – стрит

*Мы должны брать из прошлого огонь, а не пепел.
(Жан Жорес)*

Головная боль, как и зубная, с легкостью может довести даже здорового человека до сумасшествия. Что и говорить об избитом и израненном профессоре Риде. Затылок горел огнем. Казалось, в основании черепа уселся мерзкий спрут, распространяя по всей голове тонкие щупальца.

«А боль отрезвляет...»

Джо понадобилось немало времени, чтобы понять, что он уже не плавает в океане беспамятства, а лежит на мягком полу. Взгляд уперся в потолок.

«Или всё-таки стена?»

Вокруг, как и прежде, царил мрак, и сообразить сразу, где находится, профессору не удалось.

Стараясь не делать резких движений, Джо посмотрел по сторонам. Избитое тело отозвалось болью. Взгляд скользнул вниз. На руках следы от веревок, свежая ссадина.

«Они меня развязали. Зачем?»

Тяжелый предмет упирался в ладонь, что-то металличе-

ское. Джо присмотрелся – в правой руке лежала рукоять пистолета.

«Какая-то дурацкая игра».

Джо тяжело вздохнул, попытался встать на ноги. Происходящее казалось бессмысленным сном.

Неимоверные усилия пришлось приложить лишь для того, чтобы просто подняться с пола. Ноги норовили подогнуться, их била дрожь, как, впрочем, и руки.

«Со мной не всё в порядке».

И дело было вовсе не в побоях...

– Укол, он сделал мне укол в шею, – тихо сказал профессор, рука нащупала небольшую шишковатую ранку, в памяти остались неприятные ощущения от инъекции.

«Но зачем? Может, какое-то снотворное или наркотик?»

Стоять на ногах было трудно, для удобства Джо оперся спиной о стену. С тех пор как очнулся, прошло уже несколько минут, глаза привыкли к темноте, стали различать слабые очертания предметов.

«Да я же у себя дома, в спальне! – осознал профессор, присмотревшись пристальнее к интерьеру. – Но зачем им все эти фокусы? – тут же подумал Джо. – Сначала похищают меня, затем возвращают».

Пистолет, который профессор до сих пор держал у себя в руке, сбивал с толку. Судя по всему, это был именно тот «Кольт М 1991А1», зарегистрированный на его имя. Оружие Джо хранил в секретном сейфе. Но тогда возникал во-

прос: каким образом «Кольт» очутился в руке? Джо отчетливо помнил, что, находясь дома, не успел добраться до пистолета.

«Я получил по голове до того, как поднялся наверх».

Профессор нащупал выключатель и зажег светильник. Свет ударил по глазам.

«Чёрт!»

В углу притаилась какая-то тень. Джо прикрыл глаза ладонью. Подождал, пока глаза привыкнут к яркому освещению.

«Там никого нет. Почудилось»

Действительно, в углу оказалось пусто, но следы чужого присутствия имелись. Некоторые вещи, разбросанные, валялись на полу, а шкаф, за которым находился секретный сейф, оказался отодвинутым в сторону.

– Что, чёрт побери, здесь происходило? – возмутился Джо, заглянул в открытый сейф.

Все вещи лежали на месте, кроме пистолета. Документы на дом и ценные бумаги остались нетронутыми. Кем бы ни был тот, кто открыл сейф, его явно не интересовали деньги, потому что даже самый глупый грабитель догадался бы прихватить с собой облигации.

«Скорее всего, те негодяи копались там. Но ничего не нашли», – решил Джо, осмотрев содержимое небольшого хранилища.

В душе профессора царил полный беспорядок. Недавнее прозрение стало причиной нынешнего смятения. Не ведо-

мое прежде ощущение вызвало целую гамму чувств и эмоций, а также и мыслей. Новое, не сумев отыскать места в беспокойном уме, сбилось в тугой клубок. Разобрать теперь, чем же на самом деле оказалось само прозрение, стало почти невозможно.

«Наверное, это действие препарата. Что-то угнетает меня, невероятно тяжело соображать. Вероятно, пентат натрия, сыворотка правды. Наверняка пытались выудить из меня нужные сведения...».

Джо ещё раз пристально осмотрел комнату, искал хоть что-то, намекающее на цель, преследуемую ублюдками.

«Зачем они вломились в дом?»

Но найти ничего, как и прежде, не удалось. Все вещи лежали на своих местах, и лишь легкий беспорядок, царивший в комнате, свидетельствовал: здесь что-то происходило.

«Надо выпить воды, а то с ног валюсь. И позвонить в 911. Медицинская помощь не помешает», – решил Джо, внимательный взгляд исследовал раны. Пошатывающейся походкой направился к лестнице, ведущей вниз, в гостиную.

Только сейчас профессор обратил внимание на одежду, сидящую на нем. Чёрный дорогой костюм, белая рубашка и галстук. На воротнике и груди отчетливо видны следы крови. А на ногах вместо привычных коричневых – чёрные лакированные туфли.

– Это ещё что за ерунда? – возмутился Джо, рассматривая рукав пиджака. – Зачем они переодели меня? – То, что

сделали это именно «они», профессор ни секунды не сомневался.

Странный запах ударил в нос Джо Риду именно в тот момент, когда подошвы коснулись ступеней лестницы. Запах боли и смерти. А затем увидел алые брызги на стене и ступенях. Кровь была ещё свежей, не успела засохнуть. Создавалось впечатление, что появилась она совсем недавно.

«Что здесь произошло?!», – мысль взорвалась в голове у Джо, лицо обдало жаром.

Профессор резким движением взвел курок пистолета. Рука, сжимающая оружие, вытянулась вперед. Стал спускаться вниз по ступеням.

Тьма. В гостиной ни зги. Первым делом Джо собирался добраться до выключателя на стене и зажечь свет. Рука сжала холодную сталь оружия, ноги вступили во что-то липкое. Сладковатый металлический запах крови стал ещё сильнее. Сердце испуганно забилось. Едва не поскользнувшись на скользком от крови паркете, Джо добежал до противоположной стены и включил свет.

«Только не это...»

Увиденное повергло в ужас.

На полу, возле лестницы, лежала Лили. Руки раскинуты в стороны, смуглое лицо стало невероятно бледным. Грудь и живот обезображены пулевыми ранениями, пол и стены залиты багровой кровью.

– О Боже! Лили, кто это сделал? – выкрикнул Джо и бро-

сился к телу женщины.

Первым делом профессор проверил пульс, слабо надеясь, что коллега ещё жива.

«Сердце ещё бьётся».

Действительно билось, правда, пульс оказался настолько слабым, что почти не прощупывался. Кровь продолжала толчками изливаться из страшных ран на теле.

– Дьявол! Девочка, какая сволочь это сделала?! – выкрикнул в гневе Джо. Схватив телефон, хотел набрать «911», но помешал звонок, донесшийся из аппарата. Трубка легла в окровавленную руку.

– Алло! – голос профессора звучал звонко, в нем хорошо различалось волнение.

– Вы уже видели свой подарок, Джо? – спросил бесстрастный собеседник.

– Я доберусь до тебя, придурок!

– Не горячитесь, мой друг, а слушайте, что я вам скажу. Ведь от этого зависит не только ваша жизнь.

– Нет, сукин сын, это ты меня послушай, – гнев вновь запылал в груди у профессора, мгновенно придав ему сил, – я не знаю, зачем ты затеял всё это дерьмо, но я тебе обещаю, сухим из воды ты не выйдешь!

– Если вы так и будете меня перебивать, мой друг, то девушка умрет, а вы сядете в тюрьму за убийство. Вы ведь догадываетесь, из какого пистолета в неё стреляли?

Джо бросил взгляд на оружие, которое по-прежнему сжи-

мал в правой руке, и его передернуло от мысли о том, что пришлось пережить бедной Лили.

– Чего ты хочешь, скотина?

– Я хочу, чтобы вы, мой друг, успокоились. Полиция и медики уже едут к вам. Сосед, который слышал выстрелы, уже вызвал их, – голос звучал, как и прежде – спокойно. Ни намек на эмоции. – Сейчас вам нужно подумать над моим предложением. А оно таково: вы отдадите мне то, что я хочу, то, о чем вы благополучно забыли, и то, что, как видите, доставляет вам массу проблем. Я хочу избавить вас от этого груза, а взамен вы не сядете в тюрьму за покушение на жизнь Лили Шахар. Хотя, возможно, вам грозит и более серьезное обвинение в случае смерти девушки. Что скажете, мой дорогой друг?

Джо сделал небольшую паузу, не знал, как поступить. С одной стороны – хорошо понимал какой оборот примет ситуация, когда полиция возьмется за расследование. Тем более не возникало сомнения: вскоре вслед за полицией придут и знакомые федералы.

«Крепко же я влип».

Но с другой стороны, что-то внутри подсказывало: «Ни в коем случае нельзя соглашаться с негодяем». Внутреннее чутье давало понять Джо: нужно поступить иначе. Но как?

«Разве что-либо может помешать федералам прихлопнуть меня и Лили после того, как нас сочтут ненужными? За чем им лишние свидетели?». Джо стало не по себе. С улицы

донеслось едва различимое за шумом моря завывание полицейских сирен.

– Если она умрет, сукин сын, то я тебе обещаю, ты ни хрена не получишь от меня, ты понял?! Понял, ублюдок?! – выкрикнул в трубку профессор. Гнев и горечь отчаянья разрывали на части. – Ты ответишь за её смерть, и на твоём месте я бы молился сейчас о том, чтобы Лили выжила.

– О, друг мой, я тоже скорблю вместе с вами об участи этой милой дамы. Но вам следует понять, что всё зависит от вас. Что ж, я полагаю, мы в некоторой степени поняли друг друга. Я даю вам двадцать четыре часа на размышления, время уже пошло. После того как срок истечет, я свяжусь с вами и вы мне сообщите, что решили. Хорошего вам вечера, друг мой, – спокойно, без какой-либо злобы или насмешки в голосе сказал Генрих и повесил трубку.

Джо застыл словно статуя, правая рука сжимала телефонную трубку, левая – заряженный «Кольт М 1991А1» сорок пятого калибра. Растерянный взгляд замер на смертельно раненном теле Лили, так беспомощно лежащем на залитом кровью полу. Вой сирен, доносящийся с улицы, становился всё громче и отчетливей, пока не слился в монотонный гул.

– Полиция Лос-Анджелеса! Бросьте оружие на пол и отойдите к стене, сэр! – скомандовал с порога офицер, дуло пистолета смотрело на Джо.

Профессор по-прежнему пребывал в растерянности, выронил из рук оружие и телефонную трубку. Пошатываю-

щимся шагом направился к стене. Реальность набросилась, подобно льву.

– Доктора! Срочно приведите доктора! – выкрикнул Джо, оцепенение отступало. – Там девушка, тяжелораненая, ей нужна медицинская помощь!

– Медики уже здесь, сэр, положите руки на стену, чтобы я мог их видеть, – скомандовал офицер полиции.

Джо стоял лицом к стене и не видел, как в дом забежали медицинские сотрудники из неотложной скорой помощи. Медики бережно уложили Лили на носилки, поставили капельницу. Врач быстро сделал несколько инъекций, девушку вынесли из дома.

Джо волновался не за себя – за Лили.

«Почему она? Какое Лили могла иметь отношение к безумцу Генриху?»

Ответ один – никакого. Выходило, девушка пострадала из-за него. Приехала к нему домой и поймала пулю.

«Возможно, пуля предназначалась мне... Нет, исключено. Генрих решил меня подставить. Она для него лишь инструмент. Ублюдох».

Джо заскрипел зубами от злости.

«Но зачем Лили приехала? Возможно, волновалась. Ведь я с утра выглядел совершенно неважно, а сейчас и того хуже...».

Лили была хорошим другом. Ни разу не подводила – ни в том, что касалось работы, ни в том, что относилось к обыч-

ным житейским вопросам. Кроме того, всегда заряжала ве­сельем и волей к жизни.

– Эта сволочь за всё заплатит, Лили, я тебе обещаю... – тихо произнес Джо. Глаза закрывались от усталости, профес­сор уперся лбом о стену.

– С кем Вы разговариваете, сэр? – спросил офицер, палец держал на курке. – Здесь никого нет.

– Да, Вы правы. Но они были здесь. Всё, что вы видите, – их рук дело. Бедняжка Лили, – волны гнева нахлынули с но­вой силой. Боль и усталость растворились. – Им придется за­платить за всё, офицер.

– Несомненно, сэр. А теперь я вынужден задержать вас для допроса и выяснения обстоятельств произошедшего. Ре­бята сейчас опечатают дом, судя по всему, никого здесь, кро­ме вас, нет, поэтому вы выступаете главным подозреваемым в деле о покушении на убийство. Я зачитаю вам права и на­дену наручники, а вы не будете сопротивляться, и мы поедем в участок, понимаете, сэр?

– Да, понимаю. Зачитывайте права, – согласился Джо, ум судорожно пытался найти выход из сложившейся ситуации.

Офицер полиции подошел вплотную к профессору, за­щелкнул браслет наручников на запястье, пистолет продол­жал смотреть Джо в спину.

«Дерьмо».

– Вы имеете право хранить молчание, но всё сказанное может быть использовано против вас в суде; кроме того, вы

имеете право на адвоката. А если вы не можете оплатить его услуги, вам назначат адвоката, состоящего на государственной службе, – сказал офицер, завел руки профессора за спину, тихо щелкнул второй браслет наручников. – Вы можете подтвердить, сэр, что я ознакомил вас с вашими правами?

– Да, подтверждаю, но я хотел бы знать точно, на каком основании вы меня задерживаете?

– Мистер Джо Рид, – спокойно ответил офицер, – вы арестованы по обвинению в нанесении тяжелых телесных повреждений, а также в покушении на убийство, что, согласно уголовному кодексу штата Калифорния, является очень серьезным преступлением.

– Я этого не делал, офицер. И я узнаю, кто виноват в этом.

– Хорошо, мистер Рид, но это уже наша работа, – ответил, спрятав пистолет в кобуру, офицер. – Вы будете доставлены в полицейский участок и зарегистрированы, после вы сможете сделать телефонный звонок и побеспокоиться об освобождении под залог.

– Да уж, замечательно, – саркастично отозвался Джо, – вы будете возиться со мной, в то время как настоящий преступник свободно разгуливает на свободе. Служить и защищать...

Ещё два офицера полиции тем временем закончили осматривать дом. Никого, кроме профессора, обнаружить не удалось. Копы бегло составили опись места преступления и принялись разматывать желтую ленту с надписью «Полицей-

ское расследование. Вход воспрещён».

Офицер, проводивший задержание, подозвал жестом одного из подчиненных:

– Картер, сопроводи мистера Рида в машину.

– Вы не будете создавать себе проблем, сэр? Сопротивление аресту также является уголовно наказуемым преступлением, – обратился уже к профессору полицейский.

– Нет, не буду. На этот счёт можете не переживать, – ответил Джо, на усталом лице появилось подобие улыбки. Профессор уже размышлял над тем, какова будет сума залога и как быстро удастся выскользнуть из полицейского участка.

– Вот и замечательно, сэр, тогда проследуйте за мной к машине, – сказал Картер, подталкивая к выходу из дома.

Профессор послушно направился к двери, одурманенный инъекцией ум всё пытался обрести ясность, но получалось слабо.

Мысли продолжали путаться, Джо понимал: тогда, в подвале, он вспомнил нечто важное. Воспоминание, подобно субмарине, всплыло из глубин памяти и теперь дрейфовало в безбрежном океане разума.

Офицер полиции захлопнул двери «Шевроле». Первое, что пришло Джо в голову: «Я угодил в громадную помойную яму. Отмыться будет непросто».

В салоне полицейской машины царили тишина и сумрак, освещением служило лишь мерцающее сияние мигалок. Об-

становка показалась профессору зловещей. Глаза закрылись сами, разум пытался обрести внутреннее спокойствие.

Реальность задрожала, Джо провалился в пустоту. Мысли в голове истаяли, превратились в чёрный кисель, квинтэссенцию всего и ничего; волны спокойствия и умиротворения принялись ласкать израненную душу. Это продолжалось не то миг, не то целую вечность, Джо так и не удалось понять. Из приятного состояния безмятежности вырвал хриплый голос. Зловещий шепот звучал над самым ухом:

– Джо-бой, Джо-бой, я слежу за тобой... – Повеяло могильным холодом и страхом. Горло профессора судорожно сжалось, по спине потекла струйка холодного пота.

Хотелось закричать, но крик застрял в легких. Повинуясь инстинкту, Джо открыл глаза, взглядом искал хозяина голоса. В салоне никого не оказалось, офицер Диаз стоял снаружи и курил сигарету.

«Галлюцинации?»

Всё вокруг пропиталось странной дымкой, внутри тумана бегали маленькие электрические разряды.

– Джо-бой, ты боишься? – вкрадчиво спросил хриплый голос.

«Что это?!»

Джо судорожно тёр глаза, от страха почти потерял над собой контроль. Более всего хотелось свернуться в маленький комочек, забиться куда-нибудь в угол, где никто не сможет найти.

Профессора уже посещали подобные видения, но в них всегда появлялся один и тот же старик, который обычно стремился помочь.

«Вряд ли он пришёл с помощью».

Джо не мог видеть говорящего, но ощущал повисшие в воздухе ненависть и злобу. Они буквально обжигали, пронзали насквозь.

«Это попросту бред, у меня стресс, и я брежу, – твердил профессор, потирая виски, – всёго этого на самом деле нет. Галлюцинации из-за препарата».

– Ты слаб, Джо-бой, очень слаб, даже я могу раздавить тебя как жука, – вновь прошептал голос, сиплый смех хлестал словно плеть.

Профессор ощущал, как страх пронзает тело тысячами игл.

«Не сдамся!»

Сумел взять себя в руки, тихо ответил:

– Кто ты, зачем пришёл?

Голос молчал, но страх продолжал сжимать сердце так сильно, что на мгновение показалось: ещё чуть-чуть, и оно не выдержит напряжения, разорвётся.

Профессор всерьёз помышлял о побеге. Всё его существо сосредоточилось на том, чтобы скрыться от неизвестного ужаса. Кровь стыла в жилах. Волосы на голове встали торчком, зрачки расширились. Джо напоминал испуганного кота.

«Я не могу пошевелиться».

Бояться можно по-разному. Иные страхи легко разогнать – подобно тому, как свет разгоняет тьму. Но если причина – инстинкт? Нечто, не поддающееся контролю. Что, если причина страха – неизвестность? Как тогда найти противодействие?

Пальцы вспотели, вцепились мёртвой хваткой в матерчатую обивку сидения.

– Кто или что ты такое, что тебе от меня нужно? – сквозь зубы процедил Джо, ужас продолжал сминать сознание, тело дрожало от могильного холода.

– СМЕРТЬ! – злобно прошипел голос. – Ты бросил нас подышать, Джо-бой, бросил... теперь ты умрешь!

– Я ничего не понимаю..., – судорожный вдох. Джо ощущал: в салоне кроме него находится кто-то незримый. Профессор задыхался от ужаса и растерянно бегал глазами по сторонам.

– Ха-ха-ха! – жутко рассмеялся голос. – Дурак! Ты слаб как никогда, так и хочется выпить тебя до дна, – тон стал ещё более зловещим, – но ты ведь не хочешь этого, а, Джо-бой?

– Нет, не хочу, – ответил профессор, ладонью коснулся лба, смахнул холодный пот.

– Кто сделал с тобой такое?

Джо молчал.

– Джо-бой, Джо-бой, поиграй со мно-о-ой, – смех превратился в безумный вой, профессор едва не потерял сознание.

Чрезвычайно трудно было сохранить самообладание. Никогда прежде не приходилось ощущать такого сильного страха.

Джо более чем явно чувствовал присутствие некой сущности. Тварь дышала прямо в затылок.

«Кто или что оно?»

По спине градом бежал пот. Руки и ноги казались неимоверно тяжелыми, не слушались. Даже язык во рту, казалось, прилип к зубам. Дыхание становилось всё более отрывистым, сердцебиение затухало. Могильный холод и злоба, исходящие от твари, парализовали волю, жизнь медленно покидала тело.

«Конец? Вот так просто?»

Джо Рид понял, что умирает и не способен ничего изменить. Лишь пробуждённая стариком сила ещё теплилась в груди, но и она отступала под натиском безысходности.

Сумрак приобрел смутные очертания. Джо ничего, как и прежде, глазами не видел, но ощущал нечто внутри. Восприятие напоминало воображение и вместе с тем нет. Казалось, что видимое одновременно и есть, и параллельно с тем не существует, так как зрение ничего не улавливало. Парадоксально, но реально.

«Это бесформенная струящаяся фигура, заполненная крошечными шевелящимися песчинками или жуками. А может быть, это что-то наподобие электрического поля?». — Глаза вглядывались во тьму салона полицейской машины.

Гадкая сущность приближалась к лицу, голодные щупальца тянулись к глазам. Джо в ужасе наблюдал за тем, как из пространства надвигается облако хаоса...

Шепот твари стал ближе, зловонное дыхание – невыносимым. Джо провалился во тьму. По крайней мере, так казалось. С одной стороны – окружал непроницаемый мрак, а с другой, всё озарилось внутренним светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.